



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО « ВОЛОДИНА ПРОТИВ РОССИИ »

(Жалоба № 41261/17)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

9 июля 2019 года

Данное постановление станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу "Володина против России"

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседающая Палатой в следующем составе:

Vincent A. De Gaetano, *Председатель*,
Georgios A. Serghides,
Paulo Pinto de Albuquerque,
Dmitry Dedov,
Alena Poláčková,
María Elósegui,
Erik Wennerström, *судьи*,

и Fatoş Aracı, *заместитель Секретаря Секции*,

Проведя 11 июня 2019 года заседание за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№41261/17), поданной в Суд против Российской Федерации соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданкой России Володиной Валерией Игоревной («заявительница») 1 июня 2017 года. В 2018 году заявительница изменила фамилию (см. пункт 39 далее).

2. Интересы заявительницы представляла Ванесса Коган, директор Stichting Justice Initiative, правозащитной организации, зарегистрированной в Утрехте, Нидерланды. Российскую Федерацию («Государство») представлял М. Гальперин, Представитель Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявительница утверждала, что российские власти не выполнили свои обязанности по предотвращению, расследованию и судебному преследованию актов домашнего насилия, которому она подверглась со стороны своего бывшего партнера, а также что власти не создали правовую основу для борьбы с гендерной дискриминацией женщин.

4. 8 января 2018 года жалоба была коммуницирована государству. Было также принято решение о рассмотрении жалобы в приоритетном порядке в соответствии с Правилom 41 Регламента Суда.

5. Заявительница и государство представили свои письменные замечания. Кроме того, были получены комментарии третьей стороны – базирующейся в Лондоне (Великобритания) неправительственной организации Equal Rights Trust, которой Председатель Секции дал разрешение принять участие в письменной процедуре (Статья 36 п. 2 Конвенции и Правило 44 п. 3 Регламента Суда). Государство ответило на эти замечания (Правило 44 п. 5).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявительница, 1985 года рождения, проживает в г. Ульяновск.

A. Отношения заявительницы с г-ном С.

7. Факты дела, как они представлены заявительницей, можно кратко изложить следующим образом.

1. Первая встреча и совместная жизнь

8. Заявительница познакомилась с С. в ноябре 2014 года, после чего они стали жить вместе в г. Ульяновск.

9. В мае 2015 года они впервые разошлись. Заявительница уехала от С. Он начал проявлять агрессию и угрожал убить заявительницу и ее сына, если она откажется вернуться и жить с ним.

2. Январь 2016 года: Похищение и избиение

10. 1 января 2016 года заявительница обратилась в районный отдел полиции № 2 УМВД России по г. Ульяновску с заявлением о том, что С. повредил лобовое стекло ее автомашины и похитил документы заявительницы. На следующий день заявительница забрала заявление, сказав, что нашла документы.

11. 5 января 2016 года полиция отказала в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления, поскольку документы были найдены, а С. возместил ущерб, восстановив разбитое стекло. 6 июня 2016 года заместитель прокурора распорядился о проведении дополнительной проверки, по результатам которой было вынесено еще одно постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении С. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

12. Заявительница решила скрыться от С. и переехала в Москву. О своем новом месте жительства она никому не сообщила, но разместила свое резюме на сайтах по поиску работы. Ей позвонил некто Д. и представившись менеджером по персоналу, пригласил на собеседование, которое должно было пройти на загородной базе в Подмосковье.

13. 21 января 2016 года Д. забрал заявительницу от ее дома на своей машине, и они отправились за город. Спустя некоторое время из багажного отделения автомобиля показался С., которому Д. передал ключи от машины. С. отобрал у заявительницы мобильный телефон и личные вещи и сказал ей, что они возвращаются в Ульяновск.

14. По возвращении в Ульяновск 25 января 2016 года С. нанес заявительнице удары по лицу и животу. Она была доставлена в Центральную городскую клиническую больницу Ульяновска, где врачи диагностировали у нее ушибы мягких тканей головы. Кроме того, у нее была установлена беременность сроком 9 недель с угрозой выкидыша. Заявительница согласилась на медицинский аборт. По телефону заявительница сообщила в полицию о побоях.

15. 29 января 2016 года полиция отказала в возбуждении уголовного дела в отношении С. в связи с отсутствием письменного заявления от потерпевшей. 2 февраля 2016 года заместитель прокурора отменил решение и вернул материал в полицию для проведения дополнительной проверки.

16. 31 марта 2016 года в полицию поступило ходатайство заявительницы о прекращении дальнейшей проверки по ее заявлению и отказе от прохождения судебно-медицинской экспертизы. 1 апреля 2016 года полицией было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием заявления потерпевшей. Это постановление было отменено прокурором, но 29 июня 2016 года было вынесено окончательное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления.

3. Май 2016 года: Избиение

17. 18 мая 2016 года С. ударил заявительницу кулаком по лицу, повалил на землю и стал душить. Она обратилась с жалобой в полицию г. Ульяновска и прошла экспертизу, которая зафиксировала телесные повреждения, в том числе кровоподтеки на левой стороне лица и раны на плечах, локтях, голених и бедрах.

18. Полиция г. Ульяновск установила, что указанные события произошли на территории Самарской области, и перенаправила жалобу своим коллегам в этом регионе. 9 августа 2016 года полиция Самарской области получила указанный материал и направила заявительницу на прохождение судебно-медицинской экспертизы, однако заявительница не стала ее проходить.

19. 12 августа 2016 года полиция Самарской области вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Заслушав заявительницу и С., полиция сделала вывод об отсутствии оснований для уголовного преследования: устные угрозы С. не были достаточно конкретными, чтобы рассматриваться как признак состава преступления, предусмотренного статьей 119 УК РФ («угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»), а однократно нанесенный удар не был основанием для возбуждения дела по статье 116 («побои»), предусматривающей нанесение двух или более ударов. Данное решение было отменено прокурором, но 28 сентября 2016 года

полиция вновь вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с аналогичной формулировкой.

4. Июль 2016 года: Избиение и покушение на убийство заявительницы

20. В мае 2016 года заявительница снова уехала в Москву в надежде скрыться от С.

21. 30 июля 2016 года заявительница села в свой автомобиль, но не успела отъехать, поскольку С. открыл дверцу автомобиля, запрыгнул внутрь и напал на заявительницу. Соседи, бывшие свидетелями нападения, вызвали полицию. В тот же день заявительница обратилась в полицию с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении С., указав, что он применяет физическую силу и угрожает ей убийством.

22. 1 августа 2016 года заявительница получила текстовое сообщение от С. о том, что он повредил гидравлическую тормозную систему ее автомобиля. Заявительница вызвала полицию. Приехавший на вызов сотрудник полиции оценил степень ущерба, установив, что на дне автомобиля ближе к его задней части имелось повреждение целостности гофры с находящимся в ней пучком проводов, а у заднего правого колеса была лужа прозрачной жидкости.

23. 8 августа 2016 года ОМВД по Можайскому району г. Москвы вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Полиция пришла к выводу, что что заявительница и С. «являются знакомыми, известными друг другу людьми, которые ранее проживали совместно, вели общее хозяйство», что заявительница не предоставила каких-либо справок с указанием оценки причиненного ее автомобилю материального ущерба, что однократное нанесение удара не является побоями и не образует уголовно-правовые последствия, предусмотренные статьей 116 УК, а словесную угрозу физической расправы «реально никто не воспринимал» и поэтому отсутствует состав преступления, предусмотренного статьей 119 УК.

24. 16 сентября 2016 г. заявительница обратилась с жалобой в Кунцевский районный суд г. Москвы с просьбой об отмене постановления от 8 августа 2016 года. В частности, она утверждала, что полиция не изучила историю обмена текстовыми сообщениями, из которой следует, что С. намеревался причинить смерть заявительнице, повредив тормоза ее машины.

25. 20 сентября 2016 года решение от 8 августа 2016 года было отменено прокурором как преждевременное и необоснованное в связи с неполнотой проведенной проверки. Прокурор поручил полиции изучить текстовые сообщения, полученные заявительницей от С.

26. Постановлением от 14 октября 2016 года (которое было оставлено без изменений апелляционным постановлением от 1 декабря

2016 года) Кунцевский районный суд прекратил производство по жалобе заявительницы, установив, что предмет проверки по данной жалобе отпал в связи с решением прокурора о направлении материала для дополнительной проверки.

27. 28 октября и 24 декабря 2016 года были также вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях С. состава преступления.

5. Сентябрь 2016 года: Устройство для слежки

28. В сентябре 2016 года заявительница обнаружила под подкладкой своей сумки электронное устройство, которое, по ее мнению, было GPS-трекером, который установил туда С.

29. 5 октября 2016 года она сообщила о своих подозрениях в Кунцевский межрайонный следственный отдел по г. Москве. 9 марта 2017 года ее заявление было направлено в Бюро специальных технических мероприятий ГУ МВД РФ. Согласно замечаниям государства, Бюро приобщило заявление к делу без проведения проверочных мероприятий. По данному факту инициирована служебная проверка.

6. Март 2018 года: Публикация фотографий

30. В начале 2018 года С. опубликовал в социальной сети интимные фотографии заявительницы без ее согласия. 6 марта 2018 года было возбуждено уголовное дело по статье 137 УК РФ («нарушение неприкосновенности частной жизни»). На дату получения Судом последних сведений от заявительницы в июле 2018 года следствие по данному делу не принесло результатов.

7. Март 2018 года: Угрозы и избиение

31. 12 марта 2018 года заявительница обратилась в полицию по поводу телефонных звонков С. накануне вечером с угрозами физической расправы, а также по поводу его нежелательного присутствия перед домом заявительницы в тот день. 21 марта 2018 года полиция отказала заявительнице в возбуждении уголовного дела, посчитав, что реальность угроз С. убить заявительницу отсутствовала, поскольку, «[заявительница] находилась в квартире, а [С.] из машины не выходил и в квартиру не поднимался».

32. 21 марта 2018 года в 01.30 ночи заявительница вызвала такси к своему дому, чтобы поехать в гости к подруге. Вскоре после того как заявительница села в такси, она заметила, что машина С. следует за ними. С. подрезал таксиста, вытащил заявительницу из такси и поволок ее к своей машине. Таксист не вмешивался. Опасаясь за свою жизнь, заявительница брызнула в лицо С. газовым баллончиком. С.

несколько раз толкнул заявительницу, вырвал сумку у нее из рук и уехал с сумкой. Заявительница обратилась в полицию с жалобой на нападение и хищение ее имущества, в том числе двух мобильных телефонов и паспорта. Таксист дал свидетельские показания.

33. Вскоре после этого С. пришел в отдел полиции со своим адвокатом и вернул сумку заявительницы, но не отдал ее телефоны и паспорт. Он заявил, что приобрел телефоны на свои средства и разрешал заявительнице пользоваться ими по его усмотрению. Ранее он просил заявительницу вернуть телефоны, но она отказалась, и именно поэтому С. следовал за ней.

34. На следующий день заявительница обнаружила паспорт в своем почтовом ящике. Через некоторое время С. передал в полицию телефоны, и их вернули заявительнице под расписку.

35. 20 апреля 2018 года заявительнице было отказано в возбуждении уголовного дела по факту предполагаемого хищения телефонов на том основании, что телефоны были возвращены заявительнице. Вопрос об угрозах и избиении был направлен в местный отдел полиции для проведения дополнительной проверки.

36. 26 апреля 2018 года полиция отказала заявительнице в возбуждении уголовного дела по факту угроз, не усмотрев в этом признаков состава преступления. По мнению полиции, ни высказанные угрозы, ни последовательность действий С. не образовывали события, позволяющего с достоверностью сделать вывод о «реальности» угрозы убийством.

8. Просьба о предоставлении государственной защиты

37. 22 марта 2018 года заявительница обратилась в полицию с просьбой о предоставлении ей государственной защиты в связи с ее статусом потерпевшей в уголовном деле о публикации ее фотографий (см. пункт 30 выше). Ее заявление было передано в областное управление МВД, которое направило на имя следователя, ведущего дело, свое заключение об отсутствии оснований для удовлетворения просьбы:

«[Р]еальных угроз безопасности, уничтожения или повреждения имущества [заявительницы] со стороны [С.] или его близких в связи с ее участием в уголовном судопроизводстве по вышеуказанному делу не установлено. Все ранее заявленные [заявительницей] угрозы являются результатом их личных неприязненных отношений, а также ревности со стороны [С.]. В настоящее время [С.] выехал за пределы Ульяновской области в г. Москва и с его слов возвращаться не собирается... »

38. Однако, поскольку по ее заявлению не было принято официальное решение, заявительница обратилась в суд. 16 апреля 2018 года Заволжский районный суд г. Ульяновска признал незаконным бездействие следователя, выразившееся в нарушении срока принятия

официального решения. Суд оставил без рассмотрения вопрос о том, следует ли применить к заявительнице меры государственной защиты, оставив это решение на усмотрение полиции.

9. Перемена фамилии

39. 30 августа 2018 года заявительница официально поменяла фамилию. Она обратилась с заявлением о смене фамилии из опасений за свою безопасность, чтобы С. не смог ее найти и отследить ее передвижения.

В. Информация о гендерном насилии в России

40. Заявительница представила следующую статистическую информацию и результаты исследований о гендерном насилии в России.

41. Заверенные выдержки из статистики Министерства внутренних дел о «преступлениях, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений» показывают, что в 2015 году полиция зарегистрировала в общей сложности 54 285 таких преступлений, от которых пострадали 32 602 женщины и 9 118 несовершеннолетних. В частности, в 2015 году было зарегистрировано 16 039 случаев побоев (статья 116 УК РФ), совершенных в отношении 9 947 женщин и 6 680 несовершеннолетних. Кроме того, было зарегистрировано 22 717 случаев угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (статья 119 УК РФ) в отношении 15 916 женщин и 967 несовершеннолетних.

В 2016 году общее число таких преступлений выросло и достигло 65 535, включая 42 164 в отношении женщин и 8 989 в отношении несовершеннолетних. Побои были зафиксированы в 25 948 случаях, из них 19 068 в отношении женщин и 6 876 в отношении несовершеннолетних. Количество угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью составило 21 730, включая 15 820 таких преступлений в отношении женщин и 890 в отношении несовершеннолетних.

В 2017 году общее количество преступлений в сфере семейно-бытовых отношении сократилось до 38 311. Из них 24 058 преступлений были совершены в отношении женщин и 2 432 в отношении несовершеннолетних. Побои с отягчающими обстоятельствами (статья 116) были зарегистрированы в 1780 случаях, в том числе 1450 в отношении женщин и 250 в отношении несовершеннолетних. Повторное нанесение побоев лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за побои (статья 116.1), было зафиксировано в 486 случаях, из которых 344 потерпевших – женщины и 119 – несовершеннолетние. В целом было

зарегистрировано 20 848 случаев угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, в том числе в отношении 15 353 женщин и 900 несовершеннолетних.

42. В исследовании «Репродуктивное здоровье населения России 2011», проведенным Федеральной службой государственной статистики (Росстатом) совместно с Министерством здравоохранения РФ, отмечается, что вербальному насилию подвергались 38% российских женщин и еще 20% подвергались физическому насилию. В последней группе 26% никому не говорили о случившемся. Из тех, кто рассказал о насилии, большинство (73%) обратились за помощью к родственникам или друзьям, 10% сообщили об инциденте в полицию, 6% обратились к врачу и 2% – к юристу.

43. В рамках исследования «Насилие в российских семьях на примере Северо-Западного федерального округа», проведенного совместно Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН и Институтом экономики Карельского научного центра РАН, было опрошено 1439 человек в возрасте от 18 до 64 лет, проживавших в Республике Карелия в 2014-2015 годах. Большинство опрошенных (51,4%) сталкивались со случаями домашнего насилия или слышали о таковых. В более чем половине случаев жертвами насилия были женщины, на втором месте дети (31,5%), далее шли пожилые люди (15%) и мужчины (2%).

44. В Альтернативном докладе, представленном в Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) российским Центром по предотвращению насилия «АННА» дана общая оценка ситуации с домашним насилием на основе результатов мониторинга, проведенного в России в 2010–2015 годах. В докладе говорится, что согласно полученным данным, каждая четвертая российская семья так или иначе столкнулась с насильственными проявлениями, две трети всех убийств совершены на почве семейно-бытовых отношений, ежегодно около 14 тысяч женщин погибает от рук мужей или других близких и до 40% всех тяжких насильственных преступлений совершаются в семье.

45. В Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2017 год отмечается отсутствие прогресса в решении проблемы домашнего насилия (стр. 167-169):

«Поступающие к Уполномоченному обращения говорят об актуальности проблемы [насилия в семье] ... Между тем в результате семейно-бытовых конфликтов страдают тысячи женщин и детей. К сожалению, официальной статистики по данному вопросу не имеется.

Несмотря на актуальность проблемы, не принят специальный закон, который обеспечивал бы профилактику и преследование за преступления в семье и в быту. С начала 90-х годов было разработано более сорока законопроектов о насилии в семье, однако ни один из них пока не стал законом ...

К тому же факты насилия в отношении женщин характеризуются высокой латентностью, поскольку многие женщины либо склонны мириться с его проявлениями, либо предпочитают искать решение, не обращаясь с заявлениями в официальные органы, так как не надеются найти там поддержку. К сожалению, практика показывает, что невнимательное отношение к заявлениям женщин об угрозах насилия действительно имеет место.

Так, в декабре 2017 г. общество потряс случай, произошедший в Подмосковье, когда гр. Г., пытаясь доказать свое доминирующее положение, на почве ревности в лесу отрубил жене кисти рук. Перед этим он угрожал ей убийством, обещал сделать калекой, и женщина за 18 дней до случившегося обратилась к участковому инспектору с таким заявлением, но последний лишь ограничился проведением с Г. профилактической беседы ...

Уполномоченный также выступает за широкое обсуждение вопроса о возможности присоединения Российской Федерации к Конвенции Совета Европы "О предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием", или так называемой Стамбульской Конвенции ...»

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

46. Глава 16 Уголовного кодекса Российской Федерации содержит составы преступлений против личности, включая убийство и причинение смерти по неосторожности (статьи 105–109) и три уровня умышленного причинения вреда здоровью (статьи 111–115). «Причинение тяжкого вреда здоровью» (статья 111) включает действия, повлекшие потерю какого-либо органа или прерывание беременности; «причинение средней тяжести вреда здоровью» (статья 112) включает действия, вызвавшие длительное расстройство здоровья или утрату трудоспособности, а «причинение легкого вреда здоровью» (статья 115) включает действия, вызвавшие расстройство здоровья продолжительностью не свыше 21 дня. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью относится к преступлениям публичного обвинения, а причинение «легкого вреда здоровью» – к преступлениям частного обвинения; последнее означает, что уголовное дело возбуждается и рассматривается только по инициативе потерпевшего, который должен собрать доказательства, установить лицо, подлежащее уголовной ответственности, обеспечить показания свидетелей и подать заявление в суд. Уголовное дело частного обвинения может быть прекращено на любой стадии вплоть до вынесения судебного решения в случае отказа частного обвинителя от обвинения.

47. Иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие вреда здоровью, квалифицируются Статьей 116 УК РФ как «побои». Данная норма в последнее время претерпела ряд изменений.

48. До 3 июля 2016 года любая форма побоев квалифицировалась как уголовное преступление, наказуемое штрафом, общественными

работами или лишением свободы на срок до трех месяцев. При наличии отягчающих обстоятельств наказанием за побои мог быть более долгий срок лишения свободы. Уголовное производство по таким делам проводилось в порядке частного обвинения. Закон не делал различий на основании контекста: совершено ли преступление в отношении близких лиц или посторонних.

49. 3 июля 2016 года это положение было существенно изменено.

Во-первых, была отменена уголовная ответственность за обычные (без отягчающих обстоятельств) побои, и они были выведены в разряд административных правонарушений.

Во-вторых, был введен новый уголовный состав побоев с отягчающими обстоятельствами, а именно «побои в отношении близких лиц», т.е. супругов, родителей, братьев и сестер или лиц, ведущих общее хозяйство, и наказание за это преступление предполагало лишение свободы. Производство по делам о таких побоях было переведено в разряд частно-публичного обвинения, которое применяется и в случае некоторых других преступлений – например, изнасилования. Такие дела возбуждаются по заявлению потерпевшей стороны, но последующее расследование и судебное производство осуществляются по инициативе государства и не могут быть прекращены даже с согласия потерпевшей стороны.

В-третьих, в УК была введена новая статья 116.1, которой установлен состав «повторное нанесение побоев», определяемый как нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, если в действиях лица отсутствуют отягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 116 УК. Такое преступление преследуется в порядке частного обвинения и наказывается штрафом или лишением свободы на срок до трех месяцев.

50. 7 февраля 2017 года из определения побоев с отягчающими обстоятельствами в тексте статьи 116 УК была исключена норма о побоях в отношении «близких лиц» – это было сделано с целью декриминализации побоев, нанесенных супругами, родителями или партнерами. В числе отягчающих обстоятельств остались лишь нанесение побоев по мотивам расовой, национальной, религиозной, социальной ненависти или из хулиганских побуждений.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

A. Универсально применимые стандарты в сфере противодействия насилию в отношении женщин

1. КЛДЖ и ее толкование

51. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ), ратифицированная Россией 23 января 1981 года, устанавливает всеобъемлющую международно-правовую систему, рассматривающую гендерное насилие, нацеленное на женщин, как проявление исторически сложившегося неравенства властных отношений между женщинами и мужчинами. Соответствующие положения КЛДЖ гласят:

Статья I

«Для целей настоящей Конвенции понятие «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области».

Статья 2

«Государства-участники осуждают дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах, соглашаются безотлагательно всеми соответствующими способами проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин и с этой целью обязуются:...

...

(b) принимать соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, там, где это необходимо, запрещающие всякую дискриминацию в отношении женщин;

(c) установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации;

(d) воздерживаться от совершения каких-либо дискриминационных актов или действий в отношении женщин и гарантировать, что государственные органы и учреждения будут действовать в соответствии с этим обязательством;

(e) принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия;

(f) принимать все соответствующие меры, включая законодательные, для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин;

(g) отменить все положения своего уголовного законодательства, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин».

Статья 3

«Государства-участники принимают во всех областях, и в частности в политической, социальной, экономической и культурной областях, все соответствующие меры, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами».

Статья 5

«Государства-участники принимают все соответствующие меры с целью:

(а) изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин ...»

52. Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (Комитет КЛДЖ) – экспертный орган ООН, наблюдающий за выполнением государствами Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин – установил в своей Общей рекомендации № 19 (1992), что «насилие в отношении женщин представляет собой одну из форм дискриминации, которая серьезно ограничивает возможности женщин в плане пользования правами и свободами на основе равенства с мужчинами» (§ 1) и что «всестороннее соблюдение Конвенции требует от государств принятия конструктивных мер в целях искоренения всех форм насилия в отношении женщин» (§ 4). Далее Комитет пояснил, что такое насилие «затрудняет или сводит на нет возможность для женщин пользоваться правами человека и основными свободами в соответствии с общими нормами международного права или положениями конвенций о правах человека» (§ 7), и дал конкретные рекомендации государствам-участникам, в том числе поощрять «сбор статистических данных и проведение исследований, касающихся масштабов, причин и последствий насилия, а также эффективности мер по предупреждению насилия и борьбе с ним» (§ 24).

53. В Общей рекомендации № 28 (2010), касающейся основных обязательств государств-участников по Статье 2 КЛДЖ, Комитет отметил, что «государства-участники обязаны проявлять должное усердие в деле предотвращения, расследования, судебного преследования таких актов гендерного насилия и наказания за их совершение» (§ 19).

54. В общей рекомендации Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин № 33 (2015) о доступе женщин к правосудию содержится призыв к государствам «принять меры по обеспечению того, чтобы заявления женщин о выдаче охранных

предписаний рассматривались без излишних проволочек и чтобы все дела по обвинению в гендерной дискриминации, подпадающие под действие норм уголовного права, включая дела, связанные с применением насилия, заслушивались своевременно и непредвзято» (§ 51(j)).

55. В 2017 году Комитет КЛДЖ принял Общую рекомендацию № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, чтобы обновить Общую рекомендацию № 19. Комитет отметил, что государства подтвердили толкование дискриминации, данное в предыдущей рекомендации, а *opinio juris* и практика государств дают основания полагать, что концепция недопустимости гендерного насилия в отношении женщин постепенно приобретает статус одного из принципов международного обычного права (§§ 1-2). Далее указано, что «причины гендерного насилия в отношении женщин кроются в таких гендерных факторах, как идеология привилегированного положения и главенства мужчин над женщинами, социальные нормы, касающиеся демонстрации мужественности, а также потребность мужчин в осуществлении контроля или власти, обеспечении соблюдения гендерных ролей или предотвращении, сдерживании или наказании такого поведения женщин, которое считается неприемлемым. Эти факторы также способствуют прямому или косвенному общественному признанию приемлемости гендерного насилия в отношении женщин, которое зачастую все еще считается личным делом, а также тому, что такое насилие повсеместно остается безнаказанным» (§ 19). Комитет вновь подтвердил, что «в соответствии со Статьей 1 гендерное насилие в отношении женщин представляет собой дискриминацию в отношении женщин и, следовательно, на него распространяются все обязательства по Конвенции» (§ 21). Комитет перечислил обязанности государств по соблюдению принципа должного усердия применительно к действиям и бездействию негосударственных субъектов (§ 24 (b)):

“Статья 2(е) Конвенции прямо предписывает государствам-участникам принимать все надлежащие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия. Это обязательство, которое часто называют обязательством проявлять должное усердие, лежит в основе Конвенции в целом – а значит, государства-участники несут ответственность в случае, если не примут всех мер, чтобы предотвратить, а также расследовать, преследовать по закону, наказывать и компенсировать такие действия или такое бездействие негосударственных субъектов, которые ведут к гендерному насилию в отношении женщин ... В рамках обязательства проявлять должное усердие государства должны разрабатывать и осуществлять различные меры по борьбе с гендерным насилием в отношении женщин, совершаемым негосударственными субъектами. Государства должны принять законы, создать учреждения и систему для борьбы с таким насилием, обеспечить их эффективное функционирование на практике, поддержку и добросовестное применение государственными должностными лицами и органами. Если государство не принимает все необходимые меры для

предотвращения актов гендерного насилия в отношении женщин в тех случаях, когда власти знают или должны знать о существовании риска такого насилия, или не проводят расследование, не привлекает к ответственности и не наказывает виновных и не возмещает ущерб жертвам/пострадавшим, то оно тем самым дает молчаливое согласие на совершение актов гендерного насилия в отношении женщин или поощряет их. Такие пассивность и бездействие представляют собой нарушения прав человека» (сноски опущены).

56. В своем заключении по сообщению *V.K. v. Bulgaria* (Сообщение № 20/2008, 15 октября 2008 года) Комитет высказал позицию, что «гендерное насилие, представляющее собой дискриминацию по смыслу Статьи 2, которая должна читаться в совокупности со Статьей 1 Конвенции [КЛДЖ] и общей рекомендацией № 19, не требует доказательств прямой или непосредственной угрозы для жизни или здоровья пострадавшей» (§ 9.8). При оценке необходимости выдачи охранного ордера суд должен учитывать все формы насилия в отношении женщин, не игнорируя эмоциональные и психологические страдания и предысторию домашнего насилия. Кроме того, стандарт доказывания для выдачи пострадавшей охранного ордера не должен быть таким же, как в уголовных делах, где требуется доказанность «вне разумного сомнения», поскольку такой стандарт доказывания был бы чрезмерно высоким и не соответствующим КЛДЖ (§ 9.9).

2. Спецдокладчики ООН

57. В своем докладе, принятом на тридцать первой сессии Совета по правам человека, проходившей с 29 февраля по 24 марта 2016 года (A/HRC/31/57), Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания оценил применимость содержащегося в международном праве запрета пыток к уникальному опыту женщин. Он напомнил, что «всесторонний учет гендерных аспектов при любом анализе пыток и жестокого обращения имеет ключевое значение для того, чтобы нарушения, обусловленные дискриминационными социальными нормами, полностью признавались, искоренялись и исправлялись» (§ 6) и что «когда государство знает или ему следовало бы знать, что женщина в опасности, оно должно принять конкретные меры для обеспечения ее безопасности, даже если она сама не решается обратиться в суд» (§ 12). Спецдокладчик отметил:

“55. ... Насилие в семье приравнивается к жестокому обращению или пыткам в тех случаях, когда государства попустительствуют запрещенному поведению, не обеспечивая защиту жертв и не пресекая запрещенные деяния в частной сфере, о которых государство знало или должно было знать... В соответствии с международным правом государства несут ответственность за пытки, когда в силу безразличия, бездействия или пассивности прокуратуры либо судебных органов не проявляют должного усердия для обеспечения защиты от подобного насилия или узаконивают насилие в семье, например разрешая мужьям «наказывать» своих жен или не квалифицируя в качестве уголовного

преступления изнасилование в браке и другие деяния, которые могут представлять собой пытку.

56. Общественное безразличие к подчиненному положению женщин или даже поддержка такого положения, в совокупности с дискриминационными законами и такой практикой государственных органов, когда виновные остаются без наказания, а жертвы без защиты, создают условия, в которых женщины подвергаются систематическим физическим и моральным страданиям, несмотря на кажущуюся свободу и возможность сопротивляться. В данном контексте попустительство государства насилию в семье может принимать различные формы, причем некоторые бывают тонко замаскированы (A/HRC/7/3). Оправдание государствами насилия в семье и терпимое отношение к нему, о чем свидетельствует дискриминационная неэффективность судебной системы – в частности, отсутствие расследования, судебного преследования и наказания виновных, создают благоприятствующую домашнему насилию обстановку и равносильны отказу жертвам в правосудии, что может быть приравнено к постоянному нарушению государством прав человека.”

58. В своем докладе о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях, принятом на тридцать пятой сессии Совета по правам человека 6–23 июня 2017 года, Специальный докладчик ООН по вопросу о насилии в отношении женщин определила ключевые элементы правозащитного подхода к охранным мерам:

«112. Государства должны внести необходимые поправки во внутреннее законодательство в целях обеспечения надлежащего исполнения охранных ордеров должностными лицами и беспрепятственного получения таких ордеров.

а) государства должны наделить компетентные органы полномочиями по выдаче охранных ордеров в случае любых форм насилия в отношении женщин. Охранные ордера должны быть легкодоступны и должны эффективно исполняться для обеспечения благополучия и безопасности защищаемых лиц, включая детей;

б) охранные ордера для обеспечения срочной защиты в случае непосредственной угрозы насилия (экстренные охранные ордера) должны выдаваться, в том числе, *в одностороннем порядке* и действовать до вступления в силу долгосрочного охранных ордеров, выданного по результатам судебного разбирательства. Такие охранные ордера должны выдаваться на основании заявления или личных показаний потерпевшей, поскольку сбор дальнейших доказательств может привести к задержке и дополнительному риску для потерпевшей. Как правило, охранный ордер должен предписывать виновнику насилия покинуть место жительства потерпевшей на достаточный период времени с запретом проникать в жилище потерпевшей и контактировать с потерпевшей;

в) охранные ордера: i) должны выдаваться независимо от других юридических процедур, таких как уголовное разбирательство в отношении виновника насилия или бракоразводный процесс, либо в дополнение к ним; ii) не должны ставиться в зависимость от факта возбуждения уголовного дела; iii) должны при необходимости выдаваться в ходе последующего судебного разбирательства. Поскольку многие формы насилия, в особенности домашнего насилия, представляют собой определенную линию поведения, практикуемую в течение длительного срока, не следует устанавливать строгие ограничения по времени для выдачи охранных ордеров. Стандарт доказывания для получения

охранного ордера должен отличаться от стандарта доказывания уголовного обвинения.

d) с точки зрения содержания охранные ордера могут предписывать виновнику насилия выселиться из помещения, где проживает семья, держаться на определенном расстоянии от потерпевшей и ее детей (и других людей в случае необходимости) и от некоторых указанных мест, а также запрещать виновнику насилия вступать в контакт с потерпевшей. Поскольку выдача охранного ордера не должна возлагать на потерпевшую неоправданное финансовое или административное бремя, ордер также может предписывать виновнику насилия оказывать финансовую помощь потерпевшей».

3. Совет Европы

59. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec (2002)5 от 30 апреля 2002 года «О защите женщин от насилия» определяет термин «насилие в отношении женщин» как «любой акт гендерного насилия, который наносит или способен нанести женщинам вред или страдания физического, сексуального или психологического характера; сюда же следует отнести угрозы об осуществлении подобных актов, принуждение и произвольное лишение свободы» (Приложение, § 1). В сфере уголовного права Рекомендация устанавливает, что государства должны «предусмотреть в национальном законодательстве соответствующие механизмы и санкции, позволяющие принять быстрые и эффективные меры в отношении лица, виновного в совершении насилия, а также возместить ущерб, нанесенный женщине, пострадавшей от насилия» (§ 35). Что касается судопроизводства, государства должны, в частности, «принять необходимые меры для того, чтобы по требованию прокуратуры могло быть возбуждено уголовное дело» (§ 39) и «предусмотреть, при необходимости, принятие мер с целью защитить жертв от возможных угроз и актов мести» (§ 44). Среди дополнительных мер борьбы с насилием в семье государства должны «рассматривать как уголовное преступление всякий акт насилия, совершённый в семье» (§ 55) и «уполномочить судебные органы, в качестве мер временного характера, направленных на защиту жертвы, запрещать лицу, виновному в совершении насилия, входить в контакт с жертвой, общаться с ней или приближаться к ней, проживать в определённых местах или посещать определенные места» (§ 58 (b)).

60. Конвенция Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием («Стамбульская конвенция») была открыта для подписания 11 мая 2011 года и вступила в силу 1 августа 2014 года. Россия – одно из двух государств-членов Совета Европы, не подписавших Стамбульскую конвенцию. Определение «насилия в отношении женщин» в статье 3 Конвенции идентично определению, данному в п. 1 Рекомендации Rec (2002)5. «Домашнее насилие» определяется как включающее в себя «все акты

физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту или между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва».

В. Материалы, касающиеся насилия в отношении женщин в России

61. «Интеграция прав человека женщин и гендерной перспективы: насилие в отношении женщин», доклад Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях по итогам ее визита в Российскую Федерацию 17–24 декабря 2004 года (E/CN.4/2006/61/Add.2), обозначил масштабы проблемы домашнего насилия:

«26. Хотя статистика домашнего насилия в частности и в целом насилия в отношении женщин не систематизирована, имеющиеся данные свидетельствуют о тревожной тенденции роста числа случаев домашнего насилия в период после распада Советского Союза. По имеющимся сообщениям, случаи домашнего насилия составляют 80% всех насильственных преступлений в отношении женщин. За период с 1994 по 2000 год количество зарегистрированных случаев насилия увеличилось на 217% и составило в абсолютном выражении 169 000 преступлений. За десять месяцев 2004 года Министерство внутренних дел сообщило о 101 000 преступлений, совершенных в семье, что составляет 16-процентное увеличение по сравнению с предшествующим годом. В докладе государства-участника, представленном Комитету по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) в 1999 году, сообщалось, что ежегодно 14 000 российских женщин погибают от рук своих мужей или родственников. В докладе далее подчеркивалось, что «ситуация усугубляется отсутствием статистических данных, а также отношением органов правопорядка к этой проблеме не как к преступлению, а как к "личному делу" супругов» (CEDAW/C/USR/5, пункт 6 [на стр. 38]).

27. ... главная причина такого насилия кроется в патриархальных нормах и ценностях. В ходе многих встреч со Специальным докладчиком представители властей приводили старинную русскую поговорку «бьет – значит, любит». Из-за прочно укоренившихся патриархальных ценностей в России считается, что мужа занимают более высокую ступень в семейной иерархии и вправе утверждать свою власть над женами, и тем самым легитимизируется широко бытующее мнение о том, что насилие в семье – личное дело супругов. Женщин нередко обвиняют в том, что они сами провоцируют насилие. ...

28. ... женские организации утверждают, что домашнее насилие по-прежнему в серьезной степени замалчивается, не регистрируется и игнорируется властями. Помимо прочего, сексуальное и домашнее насилие связаны с социальной стигмой, что вынуждает потерпевших хранить молчание и «улаживать дело» в рамках семьи. Из-за стигмы общество недостаточно активно требует от государства принятия мер – чем, возможно, и объясняется отсутствие этой проблемы в числе государственных приоритетов.

...

36. Большим препятствием, мешающим борьбе с домашним насилием в России, является отсутствие отдельного закона об этом виде насилия. Хотя Государственной думой было рассмотрено около 50 проектов закона о домашнем насилии, ни один из них так и не был принят. Министерство иностранных дел связывает это с финансовыми затратами в случае принятия законопроектов, однако члены комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей указали, что насилие в отношении женщин не является приоритетной проблемой для государства и что многие противники законопроекта утверждают, что он будет дублировать уже существующие законы. Они аргументируют это тем, что виновников домашнего насилия можно привлекать к ответственности по статьям 111-115 УК РФ, касающимся умышленного причинения вреда здоровью ... Однако по мнению женских организаций, эти нормы закона толкуются слишком узко, что затрудняет их применение в случаях домашнего насилия для наказания виновников насилия.

38. Отсутствие отдельного закона приводит к безнаказанности преступлений, совершаемых в частной сфере. Оно удерживает женщин от обращения за помощью и подкрепляет нежелание и даже отказ полицейских серьезно разбираться с проблемой, поскольку они не считают ее преступлением. Сообщается, что сотрудники полиции порой отказываются приезжать на вызов даже в критических ситуациях. Когда они все же приезжают, то нередко вместо того чтобы зарегистрировать жалобу или арестовать виновника насилия, они пытаются уговорить супружескую пару уладить разногласия мирно. При этом инцидент остается незарегистрированным, а потерпевшая порой не получает медицинской помощи по поводу травм.

39. Если женщина настойчиво пытается подать заявление, сотрудники полиции, как сообщается, затягивают или затрудняют процесс его подачи. Кроме того, полиция обвиняет в случившемся самих потерпевших и подвергает их дискриминационному или унижающему достоинство обращению. Некоторые женщины сообщают, что в полиции вновь испытали жестокое обращение, пытаясь подать заявление. При таких обстоятельствах трудно предположить, что по жалобам проводятся расследования ...

40. ... Когда полиция все же задерживает виновника насилия, его обычно держат под стражей менее суток или чуть дольше в "серьезных случаях", а затем освобождают без предъявления обвинений. По возвращении домой он может в отместку совершить еще более жестокие акты насилия. В отсутствие системы сдерживающих или охранных ордеров у полиции на местах нет правового механизма для защиты потерпевших от дальнейших актов насилия после того как агрессор окажется на свободе.

41. Из-за бездействия полиции многие потерпевшие не подают заявления: 40% женщин-жертв домашнего насилия никогда не обращаются в правоохранительные органы. Даже если заявление подано, жертва может забрать его назад из-за отсутствия доверия к системе правосудия, экономической зависимости от агрессора или угроз с его стороны, из боязни потерять детей или из-за социальной стигмы в связи с домашним насилием. Поэтому лишь в очень редких случаях жалобы доходят до суда или приводят к возбуждению уголовного дела ...»

62. В своих принятых 20 мая 2011 года Заключительных замечаниях по пятому периодическому докладу Российской Федерации об осуществлении Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (E/C.12/RUS/CO/5) Комитет ООН по

экономическим, социальным и культурным правам с озабоченностью отметил «сохранение широких масштабов домашнего насилия» и рекомендовал «принять специальный законодательный акт, квалифицирующий домашнее насилие как уголовное преступление» (§ 22).

63. В заключительных замечаниях по пятому периодическому докладу Российской Федерации (CAT/C/RUS/CO/5), принятых Комитетом ООН против пыток 22 ноября 2012 года, насилие в отношении женщин упоминается как одна из главных вызывающих озабоченность проблем:

«14. Комитет обеспокоен тем, что, несмотря на согласующиеся между собой утверждения о многочисленных случаях насилия в отношении женщин в самых разных формах, известно лишь об очень небольшом числе жалоб, расследований и преследований, связанных с актами домашнего насилия, в том числе супружескими изнасилованиями. Обеспокоен он и сообщениями о том, что сотрудники правоохранительных органов неохотно регистрируют жалобы на домашнее насилие и что женщины, настаивающих на возбуждении уголовных дел по фактам домашнего насилия, заставляют участвовать в процессе примирения. Обеспокоенность Комитета вызывает также отсутствие в государстве-участнике законодательно закрепленного определения домашнего насилия (статьи 1, 2, 11, 13 и 16)».

64. В заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации (CEDAW/C/RUS/CO/8), принятых Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин 27 октября 2015 года, отмечено, что насилие в отношении женщин остается одной из главных проблем:

“21. Комитет по-прежнему обеспокоен широко распространенным насилием в отношении женщин, в особенности домашним и сексуальным насилием, в государстве-участнике и отсутствием статистической информации о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях, дифференцированной по возрасту, национальной принадлежности и характеру отношений между жертвой и правонарушителем, а также исследований, касающихся причин и последствий такого насилия. Принимая к сведению представленную делегацией в ходе диалога информацию о том, что законопроект о домашнем насилии в настоящее время рассматривается в рамках второго чтения в парламенте, Комитет выражает озабоченность тем, что не все случаи насилия в отношении женщин становятся известны, поскольку считаются частным делом, а также нехваткой таких служб защиты жертв, как кризисные центры и приюты.

22. Ссылаясь на свою общую рекомендацию № 19 (1992) о насилии в отношении женщин, Комитет настоятельно призывает государство-участника:

(а) принять всестороннее законодательство для предотвращения и пресечения насилия в отношении женщин, включая домашнее насилие, предусмотреть преследование *ex officio* за домашнее и сексуальное насилие и гарантировать женщинам и девочкам, ставшим жертвами насилия, незамедлительный доступ к средствам возмещения ущерба и защиты, а также обеспечить привлечение уголовной ответственности и адекватное наказание виновных ...

(d) собирать статистические данные о домашнем и сексуальном насилии, дифференцированные по полу, возрасту, национальности и характеру отношений между жертвой и правонарушителем».

65 . В деле *O.G. v. the Russian Federation* (сообщение № 91/2015, 6 ноября 2017 г.) Комитет КЛДЖ пришел к выводу, что не расследовав жалобу О. Г. на угрозы убийством и насилием со стороны ее бывшего партнера «оперативным, надлежащим и эффективным образом и не рассмотрев ее дело с учетом гендерных аспектов, [российские] органы власти допустили влияние стереотипов на ход их рассуждений» (§ 7.6).

По мнению Комитета, «тот факт, что жертве домашнего насилия приходится прибегать к частному обвинению, при котором бремя доказывания возлагается полностью на нее, лишает жертву доступа к правосудию, как было отмечено [Комитетом] в пункте 15(g) общей рекомендации № 33». Комитет также отметил, что недавние поправки к статье 116 Уголовного кодекса, отменяющие уголовную ответственность за побои, «вследствие отсутствия в российском законодательстве определения "домашнего насилия", являются шагом в неверном направлении и ведут к безнаказанности тех, кто совершает такие акты домашнего насилия» (§ 7.7).

С точки зрения Комитета тот факт, что «государство не изменило свое законодательство, касающееся домашнего насилия, непосредственно повлиял на возможность для автора сообщения требовать правосудия и получить доступ к эффективным правовым средствам и мерам защиты» (§ 7.8) и что г-жа О. Г. «испытала страх и страдания, оставшись без защиты государства в то время как она подвергалась периодическим преследованиям со стороны своего обидчика, и получила повторную травму, когда государственные органы, обязанные защищать ее – в частности, полиция, отказались предоставить ей защиту и признать ее потерпевшей» (§ 7.9).

Комитет пришел к выводу, что Россия нарушила права г-жи О. Г., предусмотренные статьями 1, 2(b)-(g), 3 и 5(a) КЛДЖ (§ 8), и принял ряд рекомендаций российским властям, в том числе восстановить уголовную ответственность за домашнее насилие (§ 9(b)(ii)).

66. «Я могу тебя убить, и никто меня не остановит». Проблема домашнего насилия в России и реакция государства. В этом докладе Хьюман Райтс Вотч, опубликованном в октябре 2018 года, говорится:

“Последние доступные оценки МВД относятся к 2008 г.: до 40% всех тяжких насильственных преступлений совершаются в семье, каждая четвертая российская семья так или иначе сталкивается с насильственными проявлениями. В ходе опроса 2016 г. 12% респондентов-женщин заявили, что подвергались побоям со стороны супруга/бывшего супруга/партнера (2% - часто, 4% - неоднократно, 6% - один или два раза) ...

В том или ином виде статистика домашнего насилия ведется отдельными государственными ведомствами, однако систематизированный сбор такой информации на правительственном уровне отсутствует, вследствие чего

официальные данные появляются редко и отличаются фрагментарностью и непоследовательностью. Одним из факторов, приводящих к такой ситуации, является отсутствие закона о домашнем насилии или хотя бы соответствующего юридического определения, которые позволяли бы выделять случаи насилия в семье в отдельную категорию. ...

...

Реальное число переживших домашнее насилие в силу ряда причин, вероятно, намного превышает приведенные выше цифры. Во-первых, эта статистика учитывает только те случаи, когда возбуждалось уголовное дело, и не отражает всех случаев обращения в полицию или отказа в возбуждении уголовного дела. Сюда также не входят ситуации, когда полиция рекомендует потерпевшим обращаться к мировым судьям в порядке частного обвинения.

Во-вторых, домашнее насилие во всем мире относится к латентным правонарушениям, и Россия здесь не исключение. . Официальные исследования показывают, что в России в полицию обращается всего около 10% переживших насилие в семье. По экспертным оценкам, 60 – 70% женщин не сообщают о таких случаях и не обращаются за помощью. Наконец, эксперты, правозащитники и работники общественных организаций и кризисных центров, которых мы интервьюировали для этого доклада, утверждали, что уголовные дела по заявлениям о домашнем насилии возбуждаются редко и в большинстве случаев прекращаются еще до суда. ...

...

По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, после декриминализации домашнего насилия случаи привлечения к ответственности за побои без отягчающих обстоятельств стали более частыми. Так, в 2015 г. было осуждено 16 198 человек, в 2016 г. – 17 807. В 2017 г. к административной ответственности за побои было привлечено 113 437 человек. (Данные приводятся без выделения отдельно побоев в семье).

При этом из 113 437 лиц, привлеченных к административной ответственности, 90 020 были оштрафованы. Как отмечали несколько проинтервьюированных нами женщин, в случае назначения штрафа он обычно выплачивается из общего бюджета семьи.”

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

67. Заявительница пожаловалась на то, что власти не защитили ее от обращения – состоящего из неоднократных актов домашнего насилия – запрещенного статьей 3 Конвенции, и не привлекли виновного к ответственности. Она также утверждала, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в совокупности со Статьей 3 в связи с пробелами внутригосударственного законодательства и отсутствием правовых

механизмов защиты от домашнего насилия, таких как охранные ордера. Соответствующие части Конвенции гласят:

Статья 3

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению ...”

Статья 13

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе ...”

А. Доводы сторон

68. Государство подчеркнуло, что в России насилие в отношении лица любого пола является уголовно наказуемым деянием вне зависимости от того, совершается ли оно родственниками или сожителями или иными третьими лицами. По мнению властей, домашнее насилие не является отдельным преступлением, но включает в себя насильственные действия, результатом которых становится причинение вреда здоровью или иные физические и психологические страдания. Государство перечислило статьи Уголовного кодекса, устанавливающие ответственность за причинение вреда здоровью, побои и угрозу убийством и заявило, что законодательство содержит достаточное количество норм, обеспечивающих жертвам преступлений возможность обращаться в правоохранительные органы и в суд. Государство указало, что такие преступления, как причинение легкого вреда здоровью и побои (статьи 115(1) и 116 УК), подлежат частному обвинению, и это означает, что полиция не может возбудить уголовное дело по собственной инициативе (*ex officio*) в отсутствие заявления от потерпевшего даже при наличии явных признаков преступления. Такие дела подлежат обязательному прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым. Требование подачи заявления самой потерпевшей затрудняет возбуждение и расследование дел, связанных с побоями и истязаниями женщин. Большинство таких преступлений осуществляется при отсутствии свидетелей, между близкими людьми, а женщины, пострадавшие от супружеского насилия, в суд обращаются крайне редко. Государство утверждало, что власти в настоящем деле не бездействовали, получая жалобы заявительницы, принимали все разумные меры и проводили все необходимые «доследственные проверки». Власти отказались возбудить уголовное дело, поскольку факт применения насилия со стороны С. и причинения им заявительнице телесных повреждений не был установлен. Утверждения заявительницы о том, что расследование

было неэффективным, не нашли своего подтверждения. Заявительница не подавала заявлений, необходимых для возбуждения уголовного дела в порядке частно-публичного обвинения, неоднократно сама забирала свои жалобы и ни разу не обращалась с соответствующими жалобами в суд в порядке частного обвинения. Она не являлась на медицинские освидетельствования и просила прекратить уголовное преследование в отношении С. Заявительница могла бы обратиться в суд с гражданским иском о возмещении ущерба по факту предположительно причиненных нравственных страданий, но не воспользовалась этим средством защиты. В целом государство утверждало, что в деле отсутствует нарушение статей 3 и 13 Конвенции.

69. Заявительница утверждала, что была жертвой серьезного и систематического домашнего насилия, равносильного бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Независимая психиатрическая экспертиза показала, что заявительница страдает от серьезной психотравмы, вызванной как причиненным ей насилием, так и чувством беспомощности перед лицом этого насилия. Российскими властями не создана специальная законодательная база для борьбы с домашним насилием, а также не предпринято расследование и уголовное преследование по факту жестокого обращения с заявительницей в рамках действующего законодательства. Несмотря на серьезность ее заявлений, систематический характер насилия и реальную угрозу жизни заявительницы, в течение более чем двух лет не было возбуждено ни одного уголовного дела. Заявительница привела конкретные примеры неадекватного реагирования властей на ее жалобы, в том числе то, что ей не направляли уведомления о принятых по ее жалобам процессуальных решениях, назначали медицинские освидетельствования спустя много месяцев после событий, и ограничивались получением объяснений от С. Даже в течение недолгого периода когда побои в отношении «близких лиц» подлежали уголовному преследованию в порядке публичного обвинения (с июля 2016 года по январь 2017 года), ни по одной из трех жалоб заявительницы, поданных в этот период, не было возбуждено уголовное дело. Существующий с января 2017 года правовой режим, в соответствии с которым побои декриминализованы и могут преследоваться в порядке частного обвинения только если лицо в течение года уже привлекалось к административной ответственности за аналогичные деяния, оказался неадекватным для эффективной борьбы с домашним насилием. Процедура частного обвинения крайне обременительна для жертвы, вынужденной самостоятельно выступать в качестве следователя, прокурора и адвоката. В таких делах главной целью считается примирение сторон, и жертва никак не защищена от давления со стороны обидчика. Около 90% случаев дел, возбужденных

в порядке частного обвинения, прекращаются в связи с несоблюдением требований к представляемым в суд документам или же по примирению сторон. В 2015 году было зарегистрировано 2,37 миллиона сообщений о побоях, но лишь в 26 212 случаях дело закончилось приговором. В 2017 году из 164 000 случаев побоев лишь 7 000 стали предметом уголовного дела. Заявительница указала, что после декриминализации побоев власти не привлекли С. к ответственности даже в рамках административного законодательства. Она также подчеркнула, что в российском законодательстве не существует ничего даже отдаленно похожего на институт охранных ордеров и что российские власти не смогли предоставить ей реальную защиту от насилия в течение более чем двух лет.

В. Приемлемость

70. Суд отмечает, что данная часть жалобы не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции или неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

С. Существо дела

1. Общие принципы

71. Суд напоминает, что проблема домашнего насилия, которое может принимать различные формы – от физических побоев до сексуального, экономического, эмоционального или словесного насилия – выходит за рамки обстоятельств отдельного дела. Это общая проблема, которая в той или иной степени касается всех государств, но не всегда очевидна, поскольку нередко имеет место в контексте личных отношений или замкнутых систем; она затрагивает разных членов семьи, хотя подавляющее большинство жертв составляют женщины (см. *Opuz v. Turkey*, № 33401/02, §132, ECHR 2009).

72. Особая уязвимость жертв домашнего насилия и необходимость активного участия государства в их защите подчеркиваются в ряде международно-правовых документов и в практике Суда (см. *Opuz*, цитируемое выше, §§ 72-86; *Bevacqua and S. v. Bulgaria*, № 71127/01, §§ 64-65, 12 June 2008, *Hajduová v. Slovakia*, № 2660/03, § 46, 30 November 2010).

2. Анализ настоящего дела

(а) подвергалась ли заявительница обращению, противоречащему Статье 3 Конвенции

73. Чтобы попадать в сферу действия Статьи 3, плохое обращение должно достигать некоторого минимального уровня жестокости. Оценка того, был ли достигнут этот минимум, зависит от многих факторов, в том числе от характера и контекста плохого обращения, его продолжительности, последствий для физического и психического здоровья, а также от пола жертвы и отношений между жертвой и лицом, осуществляющим плохое обращение. Даже в отсутствие фактических телесных повреждений и сильных физических или моральных страданий обращение, которое унижает или оскорбляет человека, демонстрирует отсутствие уважения или умаляет его или ее человеческое достоинство либо которое вызывает чувство страха, тревоги или неполноценности, способных сломать моральное и физическое сопротивление личности, может быть охарактеризовано как унижающее достоинство и подпадать под запрет, установленный Статьей 3. При этом следует отметить, что если жертва унижена в собственных глазах, пусть и не в глазах других людей, этого вполне достаточно (см. *Bouyid v. Belgium* [GC], no. 23380/09, §§ 86-87, ECHR2015).

74. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что физическое насилие, которому подвергалась заявительница со стороны С., было зафиксировано в медицинских документах и полицейских протоколах. По крайней мере три раза С. избивал ее, нанося удары кулаком и ногами по лицу и животу, в том числе когда она была беременна (см. пункты 14, 17 и 21 выше). Особенно сильный удар в живот повлек прерывание ее беременности. Сами по себе эти эпизоды достигают соответствующего уровня жестокости для применения Статьи 3 Конвенции. При этом Суд также признал, что помимо физических травм, важным аспектом домашнего насилия является психологическое воздействие (см. *Valiulienė v. Lithuania*, no. 33234/07, § 69, 26 March 2013).

75. Заявительница сообщала полиции о многочисленных случаях угроз со стороны С., из-за которых она жила в постоянном страхе за свою безопасность. Доказательством этого страха являются неоднократные попытки заявительницы скрыться от С. и найти убежище подальше от ее родного города Ульяновска, в Москве (см. пункты 12 и 20 выше). С. последовал за заявительницей и продолжал преследовать ее: увозил обратно в Ульяновск против ее воли, установил GPS-трекер в ее сумку и отслеживал заявительницу у подъезда ее дома (см. пункты 13, 28 и 31 выше). Пытаясь наказать заявительницу за неприемлемое, с его точки зрения, поведение, он

угрожал убийством и уничтожал или отбирал ее имущество и паспорт (см. пункты 10, 22 и 32 выше). Еще одним оскорблением человеческого достоинства была публикация интимных фотографий заявительницы как проявление неуважения и попытки ее унижить (см. пункт 30 выше). Чувства страха, тревоги и беспомощности, которые, по всей вероятности, испытывала заявительница в связи с попытками контроля и принуждения по отношению к ней, были достаточно серьезными, чтобы квалифицировать такие действия как бесчеловечное обращение по смыслу Статьи 3 Конвенции (см. *Eremia v. the Republic of Moldova*, no. 3564/11, § 54, 28 May 2013)

(b) Выполнили ли власти свои обязательства, предусмотренные Статьей 3

76. Коль скоро доказано, что обращение достигло минимального порога жестокости, чтобы подпадать под действие Статьи 3 Конвенции, Суд должен изучить вопрос о том, выполнили ли государственные органы свои позитивные обязательства по Статье 1 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 3, обеспечить каждому находящемуся под их юрисдикцией лицу защиту от всех форм жестокого обращения, включая случаи, когда такое обращение применяется частными лицами.

77. Эти позитивные обязательства взаимосвязаны и включают в себя:

(a) обязанность создать и применять на практике адекватную правовую базу, обеспечивающую защиту от жестокого обращения со стороны частных лиц;

(b) обязанность принимать разумные меры, которых можно было бы ожидать, с целью предотвращения реального и непосредственного риска жестокого обращения, о котором власти знали или должны были знать, а также

(c) обязанность проводить эффективное расследование потенциально обоснованных жалоб на жестокое обращение (см. *Bevacqua and S.*, цит. выше, § 65; *Opuz*, цит. выше, §§ 144-45 и 162-65; *Eremia*, цит. выше, §§ 49-52 и 56; *Valiulienė*, цит. выше, §§ 74-75; *Rumor v. Italy*, no. 72964/10, § 63, 27 May 2014; *Talpis v. Italy*, no. 41237/14, §§ 100-06, 2 March 2017; и *Bălșan v. Romania*, no. 49645/09, § 57, 23 May 2017).

(i) Обязанность создать правовую базу

78. Вначале Суд рассмотрит, существуют ли в российском законодательстве адекватные правовые механизмы защиты от домашнего насилия и как они применяются на практике. В международных материалах на данную тему отражено общее понимание, что для обеспечения жертвам домашнего насилия

эффективной защиты и гарантий безопасности необходим комплекс мер юридического и иного характера (см. ссылки на источники в *Opuz*, цитируемом выше, §§ 72-86 и 145, а также пункты 57 и 58 выше). Обязательства государства в делах, связанных с актами домашнего насилия, обычно предполагают принятие властями позитивных мер уголовно-правовой защиты. К таким мерам, в частности, можно отнести криминализацию актов домашнего насилия путем установления эффективных и соразмерных уголовных санкций, удерживающих от совершения преступлений. Привлечение к ответственности лиц, совершающих акты насилия, служит гарантией того, что компетентные органы не будут игнорировать такие акты и что будет обеспечена эффективная защита от них (см. *A. v. Croatia*, no. 55164/08, § 67, 14 October 2010; *Valiulienė*, цит. выше, § 71; *Eremia*, цит. выше, § 57; и *Ž.B. v. Croatia*, no. 47666/13, § 50, 11 July 2017).

79. Суд согласен с тем, что в области уголовного права могут быть реализованы разные решения, удовлетворяющие требованию создания адекватного правового механизма защиты от домашнего насилия при условии, что такая защита эффективна. Так, Суд пришел к выводу, что законодательство Молдовы предусматривает специальные уголовные санкции за совершение актов насилия в отношении членов своей семьи и обеспечивает меры защиты для жертв насилия и наказание для лиц, не исполняющих судебные решения (см. *Eremia*, цит. выше, § 57, и *Mudric v. the Republic of Moldova*, no. 74839/10, § 48, 16 July 2013). В отношении Хорватии, Литвы и Румынии было признано, что установив уголовную ответственность за домашнее насилие как отягчающее обстоятельство других преступлений и приняв специальные нормативные документы о защите жертв домашнего насилия, власти выполнили свое обязательство по созданию правовой базы, дающей возможность жертвам домашнего насилия подавать жалобы и обращаться за защитой (см. *E.M. v. Romania*, no. 43994/05, § 62, 30 October 2012; *Ž.B. v. Croatia*, цит. выше, §§ 54-55, и *Valiulienė*, цит. выше, § 78).

80. В России отсутствует специальное законодательство по борьбе с насилием в контексте семейных отношений. Не был принят ни закон о домашнем насилии, о котором упоминалось в докладе Комитета КЛДЖ от 2015 года (см. пункт 64 выше), ни другой аналогичный закон. Понятие «домашнего насилия» или его эквивалента в российском законодательстве не определено и не упоминается ни в какой форме. Домашнее насилие не выделяется отдельным составом ни в Уголовном кодексе, ни в Кодексе об административных правонарушениях. Также оно не квалифицируется как отягчающее обстоятельство в других составах, за исключением краткого периода с июля 2016 года по январь 2017 года, когда побои в отношении «близких лиц» рассматривались как отягчающее обстоятельство в

рамках статьи 116 УК РФ (см. пункт 49 выше). В остальном УК РФ не проводит различий между домашним насилием и другими формами преступлений против личности и рассматривает домашнее насилие с точки зрения причинения вреда здоровью либо других составов – таких как убийство, угроза убийством или изнасилование.

81. Суд не может согласиться с утверждением российских властей о том, что существующие нормы уголовного права обеспечивают адекватные возможности для возбуждения и расследования дел, связанных с домашним насилием. После ряда законодательных поправок в настоящее время побои в отношении членов семьи считаются уголовным преступлением только если совершены повторно в течение года или если повлекли хотя бы «легкий вред здоровью» (см. пункты 46 и 50 выше). Ранее Суд установил, что требование о наличии определенной степени вреда здоровью как предварительного условия для возбуждения уголовного дела снижает эффективность таких мер защиты, поскольку домашнее насилие может принимать различные формы, не все из которых связаны с телесными повреждениями – например, психологическое или экономическое насилие, контроль или принуждение (см. *T.M. and C.M. v. the Republic of Moldova*, no. 26608/11, § 47, 28 January 2014). Кроме того, норма о «повторных побоях» не обеспечила заявительнице защиту в ситуации, когда за побоями в 2016 году новая волна угроз и побоев последовала более через год в 2018 году. Суд также напоминает, что домашнее насилие может иметь место даже в результате однократного эпизода.

82. Кроме того, российский закон относит дела о причинении «легкого вреда здоровью» и о «повторных побоях» к делам частного обвинения, которое инициирует пострадавшая сторона. Суд признает, что для эффективной защиты охраняемого Конвенцией права на физическую неприкосновенность от посягательств со стороны частных лиц не во всех случаях обязательна процедура публичного обвинения (см. *Sandra Janković v. Croatia*, no. 38478/05, § 50, 5 March 2009). Однако Суд считает, что в контексте домашнего насилия недостаточно возможности возбудить уголовное дело в порядке частного обвинения, поскольку такая процедура очевидно требует времени и не позволяет предотвратить повторение подобных инцидентов (см. *Bevacqua and S.*, цит. выше, § 83; см. также Рекомендацию Совета Европы Rec(2002)5, цит. в п. 59 выше). Процедура частного обвинения возлагает чрезмерное бремя на жертву домашнего насилия, перекладывая на нее ответственность за сбор доказательств, способных установить вину обидчика в соответствии со стандартом доказывания, применяемым в уголовном процессе. Как признало государство, сбор доказательств связан с объективными трудностями в случаях, когда жестокое обращение имеет место при отсутствии свидетелей и порой не оставляет видимых следов. Суд согласен с тем, что даже для

специально обученных сотрудников правоохранительных органов это нелегкая задача, а для жертвы, вынужденной собирать доказательства самостоятельно, продолжая при этом жить под одной крышей с обидчиком, будучи финансово зависимой от него и опасаясь мести с его стороны, трудности становятся непреодолимыми. Кроме того, даже если суд закончится обвинительным приговором, жертве не будет предоставлена необходимая защита – например, охранный или сдерживающий ордер, поскольку такие меры не предусмотрены российским законодательством.

83. В постановлении по делу *Opuz* (цит. выше, §§ 138-39) Суд перечислил некоторые факторы, которые можно учесть при принятии решения о том, должно ли домашнее насилие быть предметом публичного обвинения, и провозгласил принцип «...чем серьезнее преступление или чем выше риск совершения новых преступлений, тем больше оснований продолжать уголовное преследование в публичных интересах, даже если потерпевшие отзывают свои жалобы». В других случаях Суд пришел к выводу, что при наличии у прокурора права возбуждать уголовные дела по фактам причинения легкого вреда здоровью когда преступление имеет общественную значимость или жертва не может самостоятельно защитить свои интересы, можно считать национальное законодательство обеспечивающим адекватную правовую основу для уголовного преследования по обвинениям в домашнем насилии (см. *Valiulienė*, § 78, и *Bälşan*, § 63, оба цит. выше).

84. В противоположность этому российское законодательство не предусматривает исключений из общего правила, что возбуждение и рассмотрение таких дел полностью зависят от инициативы и настойчивости потерпевшей стороны. Суд повторяет, что органы прокуратуры должны были иметь возможность возбудить уголовное дело в публичных интересах несмотря на то, что потерпевшая забирала свои заявления (см. *Opuz*, цит. выше, § 145). Российские власти не приняли во внимание Рекомендацию Комитета Министров Совета Европы Rec(2002)5, которая требует от государств предусмотреть возможность возбуждения уголовных дел по инициативе прокуратуры, а в ходе уголовных разбирательств предоставлять потерпевшим эффективную защиту от возможных угроз и актов мести (§§ 39 и 44, цит. в п. 59 выше). То, что власти не предусматривают процедуру публичного обвинения по делам о домашнем насилии, постоянно подвергается критике со стороны Комитета КЛДЖ. В 2015 году в своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации Комитет выразил обеспокоенность широким распространением насилия в отношении женщин, которое считается «частным делом», и рекомендовал российскому государству внести поправки в соответствующее законодательство, чтобы

обеспечить уголовное преследование актов домашнего насилия *ex officio* (см. п. 64 выше). В недавно опубликованном мнении Комитета по поданной против России жалобе, которая касается домашнего насилия и аналогична рассматриваемой в настоящем деле, Комитет установил, что когда бремя доказывания в делах частного обвинения возлагают на жертву домашнего насилия, это фактически приводит к отказу в доступе к правосудию в нарушение обязательств России по КЛДЖ (см. п. 65 выше).

85. Обобщая вышеизложенное, Суд делает вывод, что российская правовая база, в которой отсутствует определение домашнего насилия как отдельного состава или как отягчающего обстоятельства других составов преступлений и установлен минимальный порог тяжести телесных повреждений для уголовного преследования в порядке публичного обвинения, не отвечает требованиям, составляющим неотъемлемую часть позитивного обязательства государства создать и эффективно применять систему, которая наказывает все формы домашнего насилия и обеспечивает адекватные гарантии безопасности его жертвам (см. *Opuz*, цит. выше, § 145).

(ii) *Обязанность предотвращать известный риск жестокого обращения*

86. Суд напоминает, что власти обязаны принимать меры защиты в виде эффективных средств удерживания от совершения серьезных нарушений неприкосновенности личности со стороны родственника или партнера (см. *M. and Others v. Italy and Bulgaria*, no. 40020/03, § 105, 31 July 2012, и *Opuz*, цит. выше, § 176). При определенных обстоятельствах может возникать необходимость вмешательства властей в частную и семейную жизнь для защиты здоровья и прав жертвы или предотвращения преступных действий (см. *Opuz*, § 144, и *Eremia*, § 52, оба цит. выше). Оценивать наличие реальной и непосредственной угрозы следует с учетом конкретного контекста домашнего насилия. В такой ситуации речь идет не только об обязанности обеспечить защиту общества в целом, но прежде всего об обязанности учитывать повторяющийся характер насилия в конкретной семье (см. *Talpis*, цит. выше, § 122, с др. ссылками). Суд во многих делах приходил к выводу, что даже когда власти не были полностью пассивны, они тем не менее не исполнили свои обязанности согласно Статье 3 Конвенции, поскольку принятые ими меры не помешали обидчику совершать дальнейшее насилие в отношении жертвы (см. *Bevacqua and S.*, цит. выше, § 83; *Opuz*, цит. выше, §§ 166-67; *Eremia*; цит. выше, §§ 62-66; и *B. v. the Republic of Moldova*, no. 61382/09, § 53, 16 July 2013).

87. Впервые заявительница проинформировала власти о насилии со стороны партнера 1 января 2016 года. О дальнейших случаях насилия и угрозах насилия она сообщала путем вызова полиции или подачи

заявлений с просьбой о возбуждении уголовного дела 25 января, 18 мая, 30 июля и 1 августа 2016 года, а также 12 и 21 марта 2018 года. В своих заявлениях она информировала власти об угрозах и актах насилия со стороны С. и предоставляла медицинские документы в подтверждение своих жалоб. Таким образом, государственные должностные лица знали или должны были знать о насилии, которому подвергалась заявительница, и о реальной и непосредственной угрозе повторения насилия. Учитывая эти обстоятельства, власти были обязаны принять все разумные меры для защиты заявительницы (см. *Eremia*, § 58, и *Bälşan*, § 62, оба цит. выше).

88. В подавляющем большинстве государств-членов Совета Европы жертвы домашнего насилия могут попросить о применении срочных мер защиты. Такие меры известны под разными названиями: «запретительные ордера», «охранные ордера» или «предписания об обеспечении безопасности» и призваны предотвратить рецидивы домашнего насилия и защитить жертву – как правило, предписывая обидчику покинуть общее с жертвой жилище и воздерживаться от приближения к жертве и контактов с ней (см., примеры таких мер в законе Турции о защите семьи, цит. в деле *Opuz* выше, § 70, в деле *Eremia* выше, § 30; в разделе 7 закона Хорватии о защите от домашнего насилия, цит. в деле *A. v. Croatia* выше, § 42, и в статье 282 УПК Италии, цит. в деле *Talpis* выше, § 51). Комитет КЛДЖ и Специальный докладчик ООН по вопросу о насилии в отношении женщин определили ключевые элементы, которыми должны обладать такие ордера, чтобы обеспечивать жертве эффективную защиту (см. пункты 56 и 58 выше).

89. Россия остается одним из немногих государств-членов Совета Европы, в которых национальное законодательство не предусматривает для жертв домашнего насилия каких-либо мер защиты, сравнимых с вышеназванными. Государство-ответчик в своих замечаниях не указало никаких мер, которые могли бы быть приняты властями для защиты заявительницы. Что касается просьбы о предоставлении государственной защиты, с которой заявительница в итоге обратилась к властям (см. пункт 37 выше), Суд отмечает, что программа государственной защиты направлена на защиту свидетелей до начала и во время уголовного процесса от любых попыток давления с целью изменения ими своих показаний или отказа от даваемых показаний. В делах о домашнем насилии известна личность субъекта, совершающего насилие, и охранный ордер, запрещающий ему приближаться к жертве, дает ей возможность вести нормальную жизнь настолько это возможно в данных обстоятельствах. Напротив, меры по защите свидетелей направлены на предупреждение нападений со стороны еще не установленных сообщников лица, причастного к преступлению. Нередко защита свидетелей предполагает проведение

таких радикальных и затратных мероприятий, как предоставление круглосуточной охраны, смена места жительства и документов и даже пластическая операция. В таких чрезвычайных мерах обычно нет необходимости в контексте домашнего насилия, где наличие охранного ордера и строгий контроль соблюдения его условий агрессивным партнером обеспечат безопасность жертвы и выполнение государством его обязательства защищать граждан от риска жестокого обращения (см. *A. v. Croatia*, §§ 62-80, и *Eremia*, §§ 59-65, оба цит. выше).

90. В настоящем деле нельзя сказать, что российские власти предприняли реальные попытки предотвратить повторение насильственных действий в отношении заявительницы. Ее неоднократные сообщения о нападениях, похищениях и избиениях в первой половине 2016 года не привели к принятию мер в отношении С. Несмотря на серьезность его деяний, власти лишь получили от него объяснения и пришли к выводу, что это частное дело, касающееся только его и заявительницы. Уголовное дело было впервые возбуждено только в 2018 году, то есть более чем через два года после первого сообщения о побоях, причем не по факту насильственных действий С., а по гораздо более легкому обвинению в нарушении неприкосновенности частной жизни. Хотя возбуждение уголовного дела позволило заявительнице просить о предоставлении ей государственной защиты, она не получила официального решения по своей просьбе, на которое по закону имела право. Выданное областным управлением МВД заключение называло ее просьбу необоснованной и характеризовало серию эпизодов домашнего насилия как результат личных неприязненных отношений между заявительницей и С., не заслуживающий вмешательства со стороны государства (см. пункт 37 выше). И наконец, последующая серия эпизодов преследования и угроз убийства заявительницы в марте 2018 года не привела к принятию каких-либо мер защиты.

91. Суд считает, что реакция российских властей, которым стало известно о риске повторения актов насилия со стороны бывшего партнера заявительницы, была явно неадекватной, учитывая серьезность рассматриваемых преступлений. Власти не приняли никаких мер для защиты заявительницы или пресечения действий С. Власти оставались пассивными несмотря на серьезный риск жестокого обращения с заявительницей и, как результат их бездействия и неприятия сдерживающих мер, С. мог беспрепятственно и безнаказанно продолжать угрожать заявительнице, преследовать и избивать ее (см. *Opuz*, §§ 169-70 и *Eremia*, §§ 65-66, оба цит. выше).

(iii) *Обязанность проводить эффективное расследование утверждений о жестоком обращении*

92. Обязанность проводить эффективное расследование всех актов домашнего насилия – существенный элемент обязательств государства в соответствии со Статьей 3 Конвенции. Чтобы такое расследование было эффективным, оно должно быть оперативным и тщательным. Власти должны принять все разумные меры для сохранения доказательств случившегося, в том числе данных судмедэкспертизы. К рассмотрению дел о домашнем насилии следует подходить с особым усердием и учитывать в ходе разбирательств во внутригосударственных инстанциях специфический характер домашнего насилия. Обязательство государства проводить расследование не считается исполненным, если предусмотренная национальным законодательством защита существует лишь в теории; такая защита должна прежде всего быть эффективной на практике, а для этого дело должно быть рассмотрено незамедлительно без лишних проволочек (см. *Opuz*, цит. выше, §§ 145-51 и 168; *T.M. и С.М. v. the Republic of Moldova*, § 46; и *Talpis*, §§ 106 и 129, все цит. выше).

93. С 1 января 2016 года заявительница сообщила в полицию по меньшей мере о семи эпизодах систематического серьезного насилия или угроз насилия со стороны С. и представила доказательства, включая медицинские документы и показания свидетелей, в подтверждение своих заявлений (см. п. 87 выше). Ее сообщения представляли собой потенциально обоснованное утверждение о жестоком обращении, служащее основанием для возникновения у государства обязанности провести расследование, удовлетворяющее требованиям Статьи 3.

94. В ответ на жалобы заявительницы полиция провела серию коротких «доследственных проверок», которые неизменно заканчивались отказом в возбуждении уголовного дела из-за отсутствия события преступления. Некоторые решения, принятые по итогам доследственных проверок, были отменены органами прокуратуры. По-видимому, они сочли утверждения заявительницы достаточно серьезными для проведения дополнительной проверки по ее жалобам. Однако сотрудники полиции не предпринимали дополнительных следственных действий и выносили очередные решения об отказе в возбуждении уголовного дела; формулировка каждого из этих решений по существу повторяет текст предыдущего решения (см. пункты 11, 16, 19, 23, 27, 35 и 36 выше). За более чем два года систематических преследований заявительницы со стороны С. власти ни разу не возбудили уголовное дело по факту насилия или угрозы насилия в отношении заявительницы. Единственное уголовное дело, возбужденное за период с 1 января 2016 года, было связано не с

актами насилия а с относительно мелким правонарушением – публикацией фотографий заявительницы (см. пункт 30 выше).

95. Ранее во многих делах в отношении России Суд приходил к выводу, что власти, получив потенциально достоверные сведения о жестоком обращении, обязаны возбудить уголовное дело; для исполнения требований эффективного расследования в соответствии со Статьей 3 одной лишь «доследственной проверки» недостаточно. Этот предварительный этап имеет слишком ограниченную сферу действия и не может привести к судебному разбирательству и наказанию виновного, поскольку необходимыми условиями для предъявления обвинения, которое затем может быть рассмотрено судом, являются возбуждение уголовного дела и проведение следствия по уголовному делу. Суд неоднократно указывал на то, что отказ в возбуждении уголовного дела по факту потенциально обоснованных утверждений о жестоком обращении свидетельствует о невыполнении государством своих процессуальных обязательств по Статье 3 (см. *Lyapin v. Russia*, no. 46956/09, §§ 134-40, 24 July 2014; *Olisov and Others v. Russia*, nos. 10825/09 и 2 других, §§ 81-82, 2 May 2017, и *Samesov v. Russia*, no. 57269/14, §§ 51-54, 20 November 2018).

96. Как в этих и во многих других случаях, нежелание сотрудников полиции незамедлительно начать и тщательно провести уголовное расследование привело к потере времени и частичной утрате возможности собрать и сохранить доказательства домашнего насилия. Даже когда заявительница обращалась с видимыми телесными повреждениями – например, после избиений 25 января и 18 мая 2016 года, медицинское освидетельствование не назначалось сразу после происшествия. В первом случае в дело пришлось вмешаться прокурору прежде чем полиция назначила медицинское освидетельствование, состоявшееся только в марте 2016 года – почти через два месяца после события. Во втором случае полиция г. Ульяновск передала дело коллегам в другой регион, что привело к почти трехмесячной задержке. Учитывая, сколько времени прошло после описанного в жалобе заявительницы инцидента, медицинское освидетельствование уже не имело смысла; следовательно, нельзя утверждать, что заявительница отказалась пройти освидетельствование.

97. Суд не убежден в том, что российские власти предприняли серьезную попытку установить обстоятельства избиений или учли систематический характер насильственных действий, как это необходимо при рассмотрении случаев домашнего насилия. Проведенные властями проверки в большинстве случаев сводились к заслушиванию версии событий со стороны виновника насилия. Полицейские с помощью различных тактических приемов стремились закончить очередную проверку в кратчайшие сроки. Первая их тактика заключалась в том, чтобы убедить виновника насилия загладить вину и

устранить причиненный ущерб. После того как он заменил разбитое стекло машины и вернул заявительнице паспорт и личные вещи, полиция заявила, что события преступления не было, как если бы ничего не произошло (см. пункты 11 и 35 выше). В другом случае сотрудники полиции попытались представить описанные заявительницей события как незначительные. Так, покушение на жизнь заявительницы путем перерезания тормозного шланга ее автомобиля рассматривалось как причинение незначительного материального ущерба, и полиция закрыла дело, сославшись на непредставление заявительницей оценки причиненного ущерба (см. пункты с 23 до 27 выше).

98. Получив сведения о признаках уголовных преступлений, таких как документально подтвержденные телесные повреждения или текстовые сообщения с угрозами убийства, полиция повысила требования к доказательствам, необходимым для возбуждения уголовного дела. Полицейские утверждали, что для возбуждения дела о побоях должно быть нанесено более одного удара, а угрозы убийством должны быть «реальными и конкретными», чтобы могли наступить уголовно-правовые последствия (см. пункты 19 и 23 выше). При этом сотрудники полиции не ссылались на какие-либо источники в национальном законодательстве или на судебную практику в подтверждение своего толкования норм уголовного права. Суд напоминает, что запрет на жестокое обращение в соответствии со Статьей 3 распространяется на все формы домашнего насилия без исключения и каждый такой акт влечет за собой обязанность проводить расследование. Даже однократный удар может вызвать у жертвы чувство страха и душевные страдания и способен сломить ее моральное и физическое сопротивление (см. ссылку на практику Суда в пункте 73 выше). Угрозы являются одной из форм психологического насилия, и жертва в силу своей уязвимости может испытывать страх независимо от объективного характера такого запугивания. Комитет КЛДЖ указал, что для квалификации гендерного насилия не требуется доказательств «прямой и непосредственной угрозы для жизни или здоровья пострадавшей» (см. пункт 56 выше). Это означает, что власти во всех случаях должны предпринимать серьезные попытки выяснить, что на самом деле произошло, и не должны ограничиваться поспешными или необоснованными выводами с целью закрыть дело.

99. Государство обвинило заявительницу в отсутствии инициативы в применении уголовно-правовых средств защиты. По мнению государства, то, что заявительница не подавала заявления о возбуждении уголовного дела или отзывала такие заявления, помешало властям продолжать уголовное преследование С. Суд не может согласиться с этой точкой зрения. Суд еще раз повторяет, что положения российского законодательства, в соответствии с которыми

расследование уголовного дела полностью зависит от активных действий потерпевшей стороны, несовместимы с обязательством государства наказывать за домашнее насилие во всех его формах. Учитывая особо уязвимое положение жертв домашнего насилия, законодательная база должна давать возможность властям расследовать случаи домашнего насилия по собственной инициативе как предмет публичного интереса и наказывать лиц, виновных в таких деяниях (см. *Opuz*, §§ 145 и 168; *T.M. and C.M. v. the Republic of Moldova*, § 46, и *B. v. the Republic of Moldova*, § 54, все цит. выше). В настоящем деле, несмотря на серьезность факта нанесения побоев беременной заявительнице, приведших к прерыванию ее беременности, власти не изучили мотивы отказа заявительницы от своей жалобы и вопрос о том, должны ли они были начать уголовное расследование исходя из серьезности нападения. Власти не возбудили по собственной инициативе уголовное дело по этим фактам, несмотря на то, что похищение человека и причинение тяжкого вреда здоровью, каким является прерывание беременности, могли преследоваться в порядке публичного обвинения (см. пункт 46 выше).

100. И наконец, государство утверждало, что заявительнице были доступны другие средства правовой защиты, которые, если бы она к ним прибегла, обеспечили бы исполнение государством его процессуальных обязательств по Конвенции – например, обращение в суд с гражданским иском к С. о возмещении ущерба. Суд напоминает, что такой иск мог бы привести к выплате компенсации, но не к уголовному преследованию виновных. Соответственно, это не повлияло бы на исполнение государством его процессуальных обязательств по Статье 3 в отношении расследования актов насилия (см. *Beganović v. Croatia*, no. 46423/06, § 56, 25 June 2009, и *Abdu v. Bulgaria*, no. 26827/08, § 51, 11 March 2014).

101. Ввиду того, как действовали власти в данной ситуации -- в частности, ввиду нежелания властей возбудить уголовное дело по факту потенциально достоверных утверждений заявительницы о жестоком обращении со стороны С. и непринятие эффективных мер в отношении С., обеспечив его наказание в соответствии с нормами закона -- Суд считает, что Государство не исполнило свое обязательство по расследованию жестокого обращения, которому подверглась заявительница.

(iv) *Выводы*

102. Таким образом, имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции. В свете этого вывода Суд полагает, что нет необходимости выяснять, имело ли также место в данном случае нарушение Статьи 13 (ср. *Opuz*, цит. выше, §§ 203-05).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 3

103. Заявительница жаловалась на то, что непринятие российскими властями конкретных мер для борьбы с гендерной дискриминацией в отношении женщин равносильно нарушению статьи 14 Конвенции, рассматриваемой в сочетании со Статьей 3. Соответствующая часть Статьи 14 гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола ...»

A. Доводы сторон

104. Государство сообщило, что основные положения Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, включая положение о равенстве, закреплены в Конституции РФ. Российские власти действовали должным образом, получая жалобы заявительницы, и проводили проверочные мероприятия по ее обращениям. Она не утверждала, что кто-либо из должностных лиц пытался отговорить ее от привлечения С. к ответственности или от дачи показаний в отношении С. или иным образом препятствовать ее попыткам найти защиту от насилия со стороны партнера. Заявительницей не были представлены статистические данные и другая информация о выявлении случаев дискриминационного обращения с женщинами, жалующимися на домашнее насилие.

105. Заявительница, ссылаясь на официальную статистику, а также на данные исследований независимых экспертов и организаций по противодействию гендерному насилию, утверждала, что домашнее насилие в России широко распространено и его воздействие на женщин непропорционально велико. Ее собственный случай – иллюстрация того, что средства правовой защиты жертв домашнего насилия отсутствуют в России, где правоохранительные органы демонстрируют патриархальное и дискриминационное отношение к проблеме домашнего насилия, рассматривая его как «легкую форму» насилия и «частное дело». Хотя заявительница подала властям более семи заявлений, власти не возбудили уголовное дело и не предотвратили дальнейшие нападения, демонстрируя поразительный уровень беспечности в отношении жестокого обращения с заявительницей и проявляя соучастие в нем. Вот уже более десяти лет различные органы ООН выражают тревогу по поводу высокого уровня насилия в отношении женщин в России и призывают Россию привести свое законодательство в соответствие с международными стандартами. Но вместо этого российские законодатели в 2017 году отменили

существующие средства защиты жертв домашнего насилия и декриминализовали побои со стороны близких лиц. Поддержка декриминализации на самом высоко политическом уровне показала, что дискриминация в отношении женщин является частью официальной государственной политики, которая провозглашает «традиционные ценности» и жесткие гендерные роли и не осуждает применение физического насилия в отношении членов семьи.

106. Согласно заявлению третьей стороны, Equal Rights Trust, чрезвычайно важно рассматривать случаи домашнего насилия с точки зрения Статьи 14 в сочетании со Статьей 3, поскольку дискриминация является фундаментальным аспектом такого насилия, обуславливая позитивные обязательства Государства его по предотвращению, защите, расследованию, судебному преследованию и возмещению ущерба. Гендерное насилие является формой дискриминации в отношении женщин, а домашнее насилие оказывает непропорционально высокое и специфическое воздействие на женщин, что требует гендерно-чувствительного подхода к пониманию уровня боли и страданий, испытываемых женщинами. Ссылаясь на широкий спектр международно-правовых документов, третья сторона обрисовала в общих чертах объем и характер позитивных обязательств государства в сфере противодействия домашнему насилию.

107. Комментируя заявления третьей стороны, государство утверждало, что они содержат недостоверную информацию. Российское законодательство уже обеспечивает адекватную защиту жертв домашнего насилия, и принятие специального законодательства излишне.

В. Приемлемость

108. Суд отмечает, что данная жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции или неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

С. Существо дела

1. Принципы, применяемые при оценке заявлений о дискриминации в делах о домашнем насилии

109. В соответствии с устоявшейся прецедентной практикой Суда, чтобы можно было ставить вопрос о нарушении запрета дискриминации согласно Статье 14, должно иметь место различие в обращении с разными лицами в аналогичных или относительно схожих ситуациях. Такое различие в обращении является

дискриминационным, если не имеет объективного и разумного оправдания. Суд также установил, что общая политика, оказывающая несоразмерно вредное воздействие на какую-либо группу людей, может рассматриваться как дискриминация, даже если такая политика не направлена конкретно на эту группу и не продиктована дискриминационными намерениями. Противоречащая Конвенции дискриминация также может быть результатом фактически сложившейся ситуации (см. *D.H. and Others v. the Czech Republic* [GC], no. 57325/00, § 175, ECHR 2007-IV, и *S.A.S. v. France* [GC], no. 43835/11, § 161, ECHR 2014 (выдержки)).

110. Учитывая положения специальных международно-правовых документов, в первую очередь КЛДЖ, и практику Комитета КЛДЖ, Суд признает, что насилие в отношении женщин, в том числе домашнее насилие, является формой дискриминации в отношении женщин. Неспособность Государства защитить женщин от домашнего насилия нарушает право женщин на равную защиту закона, независимо от того, является или не является такое нарушение умышленным (см. *Opuz*, цит. выше, §§ 185–91). В своей общей рекомендации № 19 (1992) о насилии в отношении женщин Комитет КЛДЖ пояснил, что определение дискриминации в отношении женщин в статье 1 КЛДЖ включает и гендерное насилие, понимаемое как насилие, «совершаемое над женщиной в силу того, что она женщина, или насилие, которое оказывает на женщин несоразмерное воздействие» (см. пункт 52 выше). Двадцать пять лет спустя Комитет подтвердил в общей рекомендации № 35 (2017), что запрет гендерного насилия в отношении женщин как одной из форм дискриминации женщин стал принципом международного обычного права (см. пункт 55 выше).

111. Что касается распределения бремени доказывания в делах о дискриминации, Суд постановил, что как только заявитель докажет различие в обращении, государство-ответчик должно доказать, что это различие в обращении может быть оправдано (см. *D.H. and Others*, цит. выше, § 188). В контексте насилия в отношении женщин, если установлено его несоразмерное воздействие на женщин, бремя доказывания переходит к государству, которое должно продемонстрировать принятые национальными властями меры по устранению неблагоприятного положения, обусловленного гендером, и по обеспечению женщинам возможности обладать и в полной мере пользоваться всеми правами и свободами человека наравне с мужчинами. Суд неоднократно заявлял, что продвижение гендерного равенства сегодня является одной из важнейших целей государств-членов Совета Европы и что различие в обращении, имеющее целью обеспечение реального гендерного равенства, может быть оправдано и даже необходимо в соответствии со Статьей 14 Конвенции (см.

Konstantin Markin v. Russia [GC], no. 30078/06, § 47, ECHR 2012 (выдержки), и *Ēcis v. Latvia*, no. 12879/09, §§ 84-86, 10 January 2019). Реальное гендерное равенство может быть достигнуто только при условии гендерно-чувствительного толкования и применения положений Конвенции с учетом фактических проявлений неравенства между женщинами и мужчинами и влияния такого неравенства на жизнь женщин. Статья 14 не запрещает Государству обращаться с разными группами по-разному для устранения «фактических проявлений неравенства» между ними; более того, при определенных обстоятельствах отсутствие попыток устранить неравенство с помощью различия в обращении само по себе может быть признаком нарушения этой Статьи (см. *D.H. and Others*, цит. выше, § 175).

112. По поводу вопроса о том, каким должно быть доказательство *prima facie*, чтобы бремя доказывания перешло к Государству, Суд напоминает, что при разбирательствах в Суде отсутствуют процессуальные барьеры допустимости доказательств или предопределенные формулы оценки доказательств. В делах, где заявители утверждали о разнице в воздействии какой-либо общей меры или фактической ситуации, Суд в значительной степени опирался на представленные сторонами статистические данные для установления различий в обращении между двумя группами – мужчинами и женщинами – в сходных ситуациях (см. *Zarb Adami v. Malta*, no. 17209/02, §§ 77-78, ECHR 2006-VIII, и *Di Trizio v. Switzerland*, no. 7186/09, § 66, 2 February 2016).

113. В делах о домашнем насилии Суд опирается на доклады международных и местных правозащитных организаций, периодические доклады Комитета КЛДЖ и статистические данные государства и научно-исследовательских учреждений, чтобы установить наличие признаков *prima facie*, что домашнее насилие оказывает негативное воздействие главным образом на женщин и что общее отношение местных властей к проблеме – например, отношение в отделах полиции к женщинам, сообщающим о домашнем насилии, и пассивность судебной системы, не обеспечивающий пострадавшим эффективную защиту – создает благоприятный климат для домашнего насилия (см. *Opuz*, цит. выше, §§ 192-98, и *Halime Kılıç v. Turkey*, no. 63034/11, §§ 117-18, 28 June 2016). Суд приходил к аналогичным выводам и в других делах, где национальные власти не оценили в должной мере серьезность и масштабы проблемы домашнего насилия. Суд посчитал, что действия властей представляют собой нечто большее, чем неудовлетворительное или недостаточно оперативное реагирование на проблему насилия в отношении женщин, и равносильны систематическим актам потворствования такому насилию, отражающим дискриминационное отношение к жертвам по причине их пола (см. *Eremia*, § 89; *Mudric*, § 63; *T.M. and C.M. v. the*

Republic of Moldova, § 62; *Talpis*, § 145; and *Bălșan*, § 85, все цит. выше).

114. Коль скоро доказано существование масштабного системного предубеждения, как в вышеназванных делах, заявительнице не нужно доказывать, что она стала жертвой отдельного случая такого предубеждения. Однако при недостаточности данных, подтверждающих дискриминационный характер законодательства и практики либо их последствий, для обоснования жалобы на дискриминацию потребуется доказать предвзятое отношение конкретного должностного лица, занимающегося делом пострадавшей. В отсутствие таких доказательств непринятие властями каких-либо из предписанных или рекомендованных санкций и мер само по себе не свидетельствует о намерении дискриминировать на основании пола (см. *A. v. Croatia*, §§ 97-104, и *Rumor*, §§ 76-77, оба цит. выше).

2. Анализ настоящего дела

(а) Применимость Статьи 14 в сочетании со Статьей 3

115. Суд напоминает, что для возникновения оснований применить Статью 14 не требуется устанавливать нарушение какого-либо из основных прав, гарантируемых Конвенцией. Достаточно, чтобы обстоятельства дела попадали «в сферу действия» другого существенного положения Конвенции или Протоколов к ней (см. *Khamtokhu and Aksenchik v. Russia* [GC], nos. 60367/08 и 961/11, § 53, 24 January 2017). Как установлено выше, заявительница подверглась бесчеловечному обращению, которое государство не предотвратило (см. пункты 75 и 102 выше); соответственно, обстоятельства дела попадают «в сферу действия» этого положения.

116. Что касается требования, чтобы предполагаемое различие в обращении относилось к какому-либо из перечисленных в Статье 14 оснований, Суд отмечает, что «пол» прямо упоминается в Статье 14 как запрещенное основание для дискриминации. Следовательно, в настоящем деле применима Статья 14 Конвенции в сочетании со Статьей 3.

(b) Действительно ли женщины в России несоразмерно затронуты проблемой домашнего насилия

117. В первую очередь Суд отмечает, что вот уже более двадцати пяти лет о необходимости сбора статистической информации о масштабах, причинах и последствиях гендерного насилия говорится в соответствующей рекомендации Комитета КЛДЖ (см. Общую рекомендацию № 19 (1992) в пункте 52 выше). В 2004 году Специальным докладчиком по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях было отмечено, что

статистические данные о домашнем насилии в России не систематизированы или отсутствуют (§ 26 доклада, цит. в пункте 61 выше). В 2015 году Комитет КЛДЖ в своих заключительных замечаниях относительно соблюдения Россией обязательств по КЛДЖ выразил обеспокоенность «широко распространенным насилием в отношении женщин, в особенности домашним и сексуальным насилием ... и отсутствием статистической информации ... дифференцированной по возрасту, национальной принадлежности и характеру отношений между жертвой и правонарушителем, а также исследований, касающихся причин и последствий такого насилия» (см. пункт 64 выше).

118. Тот факт, что в России нет единой общенациональной статистики, связывают с отсутствием юридического определения домашнего насилия в российском законодательстве, что не позволяет национальным властям выделять такие преступления в особую категорию и собирать систематизированные данные о масштабах явления (см. доклад Хьюман Райтс Вотч, цит. в пункте 66 выше). Поскольку отсутствие адекватного сбора информации обусловлено позицией национальных властей, Суд отклоняет довод Государства, что заявительница каким-то образом виновата в том, что не предоставила официальных данных о выявлении в России случаев дискриминации женщин, ставших жертвами домашнего насилия.

119. В отличие от государства, не предоставившего никакой статистической информации, заявительница привела официальные данные статистики МВД о «преступлениях, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений», которые в силу характера таких преступлений можно считать в максимальной степени приближенными к статистике домашнего насилия (см. пункт 41 выше). Данные о количестве зарегистрированных преступлений, их юридической квалификации и числе пострадавших женщин и несовершеннолетних сведены в таблицу. Даже с учетом того факта, что в результате одного преступного эпизода могли пострадать несколько человек, очевидно, что совсем недавно, в 2015-2017 годах, женщины составляли от 67% до 74% всех взрослых жертв зарегистрированных преступлений, «совершенных в сфере семейно-бытовых отношений». Из представленных данных следует, что такой состав, как побои – наиболее распространенная форма уголовно наказуемого насилия в легкой форме – затрагивали исключительно женщин и детей, поскольку сумма потерпевших в этих двух категориях была равна или выше общего числа зарегистрированных эпизодов. Что касается такого преступления, как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, которое также является распространенным проявлением насилия в семье, доля женщин среди

потерпевших из года в год росла: с 73,2% в 2015 году до 75,9% в 2016 году и 77% в 2017 году.

120. В 2017 году резко снизилось количество преступлений, «совершенных в сфере семейно-бытовых отношений», что заявительница объяснила декриминализацией побоев в отношении «близких лиц» (см. пункт 50 выше). Общее число зарегистрированных преступлений сократилось более чем на 40% – с 65 535 до 38 311. При том, что число зарегистрированных угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью практически не изменилось, количество уголовных дел по обвинениям в побоях с отягчающими обстоятельствами и «повторных побоях» стремительно упало, снизившись в одиннадцать раз с 25 948 в 2016 году до всего лишь 2 266 в 2017 году. Женщины составляли до 95% взрослых жертв по этим делам. Крайне резкое сокращение числа зарегистрированных преступлений не могло быть результатом эффективных мер против домашнего насилия, поскольку никаких мер по решению проблемы не предпринималось. Суд согласен с объяснением заявительницы, что декриминализация побоев привела к дополнительному занижению сведений о домашнем насилии, поскольку гораздо большее число таких случаев не вошло в полицейскую статистику.

121. Даже если не учитывать эффект декриминализации, количество зарегистрированных по всей стране преступлений такого рода остается исключительно низким по отношению к взрослому женскому населению России, составляющему 65 миллионов человек, и не соответствует фактическому уровню домашнего насилия, который констатируют многие исследования. Комплексное исследование, проведенное Всемирной организацией здравоохранения, показало, что во всем мире домашнее насилие остается недооцененной проблемой и что в европейском регионе физическому или сексуальному насилию подвергается каждая четвертая женщина (см. доклад ВОЗ за 2013 год, озаглавленный «Глобальные и региональные оценки насилия в отношении женщин. в связи с насилием со стороны интимного партнера и сексуального насилия со стороны лица, не являющегося партнером»).

122. В России ситуация выглядит еще более мрачной. В докладе Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин за 2004 год отмечено утверждение российских женских организаций, что «что домашнее насилие по-прежнему в серьезной степени замалчивается, не регистрируется и игнорируется властями» (см. § 28 доклада, цит. в пункте 61 выше). Слишком незначительное количество жалоб, расследований и преследований в связи с актами домашнего насилия и насилия в отношении женщин упоминалось Комитетом ООН против пыток как одна причин озабоченности в замечаниях к периодическому докладу России в 2012 году (см. пункт 63 выше).

Общенациональное совместное исследование Росстата и Минздрава и региональное исследование институтов РАН показали, что более половины российских женщин подвергались словесным оскорблениям или физическому насилию, но только 10% сообщили об этом в полицию (см. пункты 42 и 43 выше). По оценкам российских неправительственных организаций, каждая четвертая российская семья так или иначе столкнулась с какой-либо формой домашнего насилия (см. пункт 44 выше). Уполномоченный по правам человека РФ, не приводя конкретных цифр, признала, что многие пострадавшие женщины не обращаются в полицию или другие официальные органы, поскольку не надеются найти там поддержку (см. пункт 45 выше). В недавно опубликованном подробном докладе Хьюман Райтс Вотч о проблеме домашнего насилия в России также отмечается, что подавляющее большинство женщин, переживших насилие в семье, не сообщали о таких случаях в полицию и не обращались за помощью к властям (см. пункт 66 выше).

123. И наконец, по вопросу о том, имеют ли подвергшиеся домашнему насилию женщины равный доступ к правосудию, выше Суд отметил, что за исключением короткого периода с июля 2016 года по январь 2017 года у потерпевших не было и по-прежнему нет доступа к уголовному преследованию таких преступлений в порядке публичного обвинения (см. пункт 49 выше). В российской правовой системе большинство случаев домашнего насилия относятся к преступлениям, преследуемым в порядке частного обвинения, когда бремя ответственности за возбуждение и рассмотрение дела возлагается на потерпевшую сторону (см. пункт 82 выше). Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует о том, что такая квалификация этих преступлений обуславливает несоразмерный и негативный эффект, снижая вероятность благоприятного исхода для жертв, стремящихся получить доступ к правосудию. Общее количество оправдательных приговоров в российской системе уголовного правосудия в 2013-2014 годах составило менее 1% всех уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции. Около 70% оправдательных приговоров были вынесены по делам частного обвинения (3 894 из 5 624 дел в 2013 году и 3 778 из 5 167 дел в 2014 году), хотя такие дела составили менее 5% всех уголовных дел (49 315 из 946 747 в 2013 году и 45 427 из 936 771 в 2014 году). Кроме того, по сравнению с делами публичного обвинения производство по делам частного судебного обвинения в четыре раза чаще прекращали по различным процессуальным основаниям (78% против 19% в 2013 году и 76% против 19% в 2014 году). Из этого следует, что жертвы домашнего насилия де-факто поставлены в невыгодное положение.

124. Исходя из представленных заявительницей доказательств и информации из российских и международных источников, Суд делает вывод о наличии признаков *prima facie* несоразмерного влияния домашнего насилия на женщин в России (см. *Opuz*, цит. выше, § 198). Женщины составляют подавляющее большинство жертв «преступлений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений» в официальной статистике полиции, насилие в отношении женщин в значительной степени замалчивается и не регистрируется, и у женщин гораздо меньше шансов добиться возбуждения уголовного дела и осуждения обидчика из-за квалификации таких преступлений во внутригосударственном законодательстве.

(с) Реализованы ли российскими властями меры внутренней политики, направленные на достижение реального гендерного равенства

125. В соответствии с обязательством по КЛДЖ ликвидировать все формы дискриминации в отношении женщин статья 19 Конституции РФ устанавливает принцип равенства прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации. В настоящем деле предполагаемая дискриминация не вытекает из какого-либо законодательного положения, дискриминационного по формальным признакам, а скорее является результатом сложившейся де факто ситуации, в которой женщины в несоразмерной степени страдают от насилия (ср. *Opuz*, цит. выше, § 192). Соответственно, Суд рассмотрит вопрос о том, приняты ли российскими властями политические меры для противодействия дискриминационному обращению с женщинами и для защиты женщин от притеснения и насилия в семье.

126. Российские власти признают масштабы проблемы насилия в отношении женщин в своих докладах Комитету КЛДЖ. Еще в 2004 году власти отмечали, что «ежегодно 14 000 российских женщин погибают от рук своих мужей или других родственников» и что «ситуация усугубляется отсутствием статистических данных, а также отношением органов правопорядка к этой проблеме не как к преступлению, а как к "личному делу" супругов» (см. § 26 доклада Специального докладчика, цит. в пункте 61 выше). Специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин указала на отсутствие в России специального закона о домашнем насилии как на серьезное препятствие в борьбе с этим видом насилия (там же, § 36). По ее мнению, отсутствие конкретного законодательства ведет к безнаказанности преступлений, совершаемых в частной сфере, а также удерживает женщин от обращения за помощью и подкрепляет нежелание сотрудников полиции всерьез заниматься проблемой, которую они не считают преступлением (там же, § 38).

127. Договорные органы ООН считают тот факт, что российские власти по-прежнему не дали определение домашнего насилия в

законодательстве, несовместимым с их международными обязательствами. В заключительных замечаниях Комитета КЛДЖ по шестому, седьмому и восьмому периодическим докладам Российской Федерации за 2010–2015 годы содержится настоятельный призыв к России принять всестороннее законодательство для предотвращения и пресечения домашнего насилия и привлечения виновных к уголовной ответственности (см. пункт 64 выше). Комитет по экономическим, социальным и культурным правам и Комитет против пыток отметили факт отсутствия в российском законодательстве определения домашнего насилия как проблему с точки зрения соблюдения Россией соответствующих международных договоров (см. пункты 62 и 63 выше). При рассмотрении индивидуального сообщения от российской гражданки, пострадавшей от домашнего насилия, Комитет КЛДЖ пришел к выводу, что невнесение российскими властями соответствующих изменений в законодательство, касающееся домашнего насилия, лишало эту женщину возможности требовать правосудия и тем самым нарушало антидискриминационные положения КЛДЖ (см. пункт 65 выше).

128. Несмотря на высокую распространенность домашнего насилия, о которой свидетельствует приведенная выше статистика, российские власти до сих пор не приняли законодательство, способное решить проблему и обеспечить защиту женщинам, несоразмерно затронутым этой проблемой. Как отмечает Уполномоченный по правам человека РФ, за последние двадцать лет разработано более сорока законопроектов, но ни один из них не стал законом (см. пункт 45 выше). Выше Суд установил, что существующих норм уголовного права недостаточно для защиты от многих форм насилия и дискриминации в отношении женщин, таких как домогательства, stalking (навязчивое преследование), принуждение, психологическое или экономическое насилие, а также от повторения подобных инцидентов в течение длительного срока (см. пункт 81 выше). Отсутствие в какой-либо форме законодательных положений, которые определяли бы понятие домашнего насилия и рассматривали его на системном уровне, отличает настоящее дело от жалоб, поданных против других государств, где такое законодательство уже было принято, но по тем или иным причинам не работало должным образом (см. *Opuz*, § 200; *Eremia*, §§ 89-90; и *Talpis*, § 147, все цит. выше).

129. В 2016 году в УК РФ были внесены поправки, предусматривающие декриминализацию мелких правонарушений, в том числе побоев без отягчающих обстоятельств. Впервые в современной российской истории было законодательно закреплено различие между побоями в отношении посторонних и в отношении «близких лиц» в семейно-бытовом контексте. Первый вид побоев по-прежнему рассматривался как административное правонарушение, а

второй был отнесен к числу уголовных составов с отягчающими обстоятельствами (см. пункт 49 выше). Суд считает, что этот позитивный шаг в развитии российского законодательства открыл перспективу для более эффективной защиты жертв домашнего насилия. Благодаря введению нового отягчающего обстоятельства, побои в отношении «близких лиц» стали рассматриваться как более серьезное преступление, подлежащее уголовному преследованию в частно-публичном порядке. Поправки не только давали обществу сигнал, что такое поведение не останется безнаказанным, но и давали практический эффект, облегчая бремя потерпевших, которые в подобной ситуации уже не были предоставлены сами себе. Но как показал случай заявительницы, изменения не принесли моментального результата. В июле, августе и сентябре 2016 года она сообщала в полицию о серьезных инцидентах, включая побои, попытку убийства и установку устройства для слежки. Тем не менее полиция сохраняла пассивность как и прежде, стремясь представить инциденты как незначительные и поскорее закрыть дело.

130. Суд не может строить догадки относительно того, каким мог быть эффект поправок 2016 года, если бы после их принятия была проведена соответствующая подготовка судей и сотрудников правоохранительных органов. Однако правовой режим, обеспечивавший некоторую форму защиты от домашнего насилия, просуществовал недолго. Менее чем через полгода, в начале 2017 года, российский парламент вновь принял поправки в УК, исключив норму о побоях в отношении «близких лиц» из определения побоев с отягчающими обстоятельствами (см. пункт 50 выше). В итоге домашнее насилие снова официально не упоминалось и не определялось ни в каком законодательстве – ни уголовном, ни административном. Первые побои в отношении постороннего или близкого лица выведены из сферы уголовного права. Повторное нанесение побоев подлежит уголовному преследованию только если нарушитель был подвергнут административному наказанию за аналогичное деяние менее чем за год до нового инцидента. В результате поправок 2017 года добиться наказания виновного в домашнем насилии стало труднее, поскольку потерпевшая должна в короткие сроки инициировать два дела: сначала добиться привлечения нарушителя к административной ответственности, а затем возбуждения уголовного дела в порядке частного обвинения за «повторные побои».

131. Недавно Комитет КЛДЖ имел возможность изучить российскую законодательную базу в том виде, какой она приняла после поправок 2017 года. Отмечая отсутствие в российском законодательстве определения «домашнего насилия», Комитет выразил мнение, что поправки, отменяющие уголовную

ответственность за побои в отношении «близких лиц», являются шагом в неверном направлении и «ведут к безнаказанности тех, кто совершает такие акты домашнего насилия» (см. пункт 65 выше). Суд согласен с этой оценкой. Выше Судом было установлено, что действующее российское законодательство неадекватно с точки зрения борьбы с домашним насилием как явления и обеспечения достаточной защиты его жертвам (см. пункт 85 выше). Законодательство также не защищает женщин от широко распространенного насилия и дискриминации.

132. По мнению Суда, тот факт, что в России по-прежнему не принято законодательство по борьбе с домашним насилием и отсутствуют в какой-либо форме сдерживающие или охранные ордера, ясно демонстрирует, что действия властей в настоящем деле не были простым недочетом или задержкой в решении проблемы насилия в отношении заявительницы, но стали результатом нежелания признавать серьезность и масштабы проблемы домашнего насилия в стране и его дискриминационного воздействия на женщин. Проявляя в течение многих лет терпимое отношение к общественной атмосфере, способствующей домашнему насилию, российские власти не создали условий для обеспечения реального гендерного равенства, которое позволило бы женщинам жить, не боясь жестокого обращения и посягательств на их физическую неприкосновенность, и пользоваться равной защитой закона.

133. Имело место нарушение Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 3.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

134. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.”

135. Заявительница потребовала 40 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 5 875,69 евро в качестве компенсации расходов на юридические услуги и иных издержек. Последняя сумма включала в себя работу юристов организации Stichting Justice Initiative, которые опрашивали заявительницу и экспертов, собирали необходимые документы и доказательства и готовили материалы для подачи в Суд. Стоимость исследований на месте составила 50 евро в час, а юридической работы – 150 евро в час.

136. Государство заявило, что статья 41 должна применяться в соответствии с устоявшейся практикой Суда.

137. Суд присуждает заявительнице 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда и запрашиваемую сумму компенсации расходов на юридические услуги и иных издержек, а также любых налогов, которые могут подлежать уплате заявительницей. Последняя сумма должна быть переведена на банковский счет представителей заявительницы, Stichting Justice Initiative, в Нидерландах.

138. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. *Объявляет* единогласно жалобу приемлемой;
2. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции;
3. *Постановляет* единогласно, что нет необходимости рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции;
4. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 3;
5. *Постановляет* пятью голосами против двух,
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявительнице в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным, в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы:
 - (i) 20 000 евро (двадцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы, с конвертацией в валюту государства-ответчика по курсу на дату выплаты;
 - (ii) 5 875,69 евро (пять тысяч восемьсот семьдесят пять евро 69 центов) в счет возмещения расходов и издержек плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы заявительницей; эти средства должны быть перечислены на банковский счет представителей заявительницы;
 - (b) что со дня истечения трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

6. *Отклоняет* пятью голосами против двух оставшуюся часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 9 июля 2019 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Fatoş Aracı
Заместитель Секретаря

Vincent A. De Gaetano
Председатель

В соответствии со Статьей 45 § 2 Конвенции и Правилom 74 § 2 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

- (a) особое мнение судьи Пинто де Альбукерке, к которому присоединился судья Дедов;
- (b) совпадающее мнение судьи Дедова;
- (c) особое мнение судьи Сергидеса.

V.D.G.
F.A.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ ДЕДОВ

1. В деле *Volodina* появилась возможность беспрецедентным образом отреагировать на тревожную проблему домашнего насилия. Помимо того, что заявительница пережила моменты жестоких физических издевательств, она также, по имеющимся сведениям, испытала и продолжает испытывать мучительные душевные страдания. Статистика указывает на то, что данный случай – лишь один, хотя и разительный пример гораздо более общей системной проблемы¹. Признав необходимость устранения нарушений прав заявительницы, большинство судей выделили четыре конкретные аспекта, что достойно самой высокой оценки. Однако по моему мнению, большинство упустило возможность еще больше развить позицию Суда в части реагирования на проблему домашнего насилия как на нарушение прав человека. По этой причине я согласен с постановлением, но вынужден частично не согласиться с доводами Суда.

А. Положительные аспекты решения большинства

1. Толкование Конвенции с учетом гендерных аспектов

2. Первый момент, который я приветствую, касается требования «гендерно-чувствительного толкования и применения положений Конвенции»², что в значительной степени переносит бремя доказывания с жертвы на государство-ответчика³. При гендерно-чувствительном

¹ См. пункты 40-45 настоящего постановления.

² См. пункт 111 настоящего постановления. Это перекликается с моим совпадающим мнением по делу *Valiulienė v. Lithuania*, по. 33234/07, от 26 июня 2013 года, в котором я высказал аргумент, что для выявления фактических аспектов неблагоприятного положения женщин необходимы гендерно-чувствительные интерпретация и применение Конвенции с учетом тех гендерных характеристик, которые определяют взаимное восприятие, взаимоотношения и взаимодействия между мужчинами и женщинами в обществе. Гендерно-чувствительное толкование и применение Конвенции позволяют распознать и выявить контекст, в котором живут женщины в том или ином обществе, признать несоразмерное воздействие насилия на женщин и обозначить потенциально ослабляющие женщин обстоятельства, которые способствуют случаям домашнего насилия.

³ Происходит перераспределение бремени доказывания, поскольку общее понимание проблемы домашнего насилия и соответствующие статистические данные указывают на то, что неизменно уязвимое положение женщины, подвергающейся гендерному насилию в семейно-бытовом контексте, усугубляется бездействием со стороны государства. Безмолвное попустительство со стороны государства и его неспособность или нежелание принимать меры обрекает женщин на дальнейшие страдания и закрепляет их неравное положение в обществе. Следовательно, государство обязано не только уважать, но и защищать права женщин посредством эффективных

подходе признаются «фактические проявления неравенства между женщинами и мужчинами»⁴ и провозглашается цель достижения фактического и реального гендерного равенства путем учета особых факторов уязвимости жертв домашнего насилия⁵. Коль скоро такая уязвимость принята к сведению, позитивное обязательство Государства защищать женщин от домашнего насилия должна прежде всего рассматриваться в конкретном контексте насилия в семье. Несколько докладов указывают на распространенность домашнего насилия в России⁶. Но вместо того чтобы противодействовать реалиям этого контекста – из-за которых женщины и другие уязвимые категории лиц подвергаются повышенному риску домашнего насилия – действия [т. е. бездействие] российского государства поощряют и закрепляют тяжелое положение женщин и девочек.

2. Обязанность бороться с гендерным насилием согласно международному обычному праву

3. Как второй момент, на который стоит обратить внимание, большинство подчеркивает, что Комитет КЛДЖ признал эволюционное развитие запрета гендерного насилия как формы дискриминации женщин в принцип международного обычного права⁷. В силу крайне унижительного характера домашнего насилия, которое направлено на унижение достоинства женщины посредством «физического,

законодательных и оперативных мер, к которым относится незамедлительное реагирование агентов государства на случаи домашнего насилия.

⁴ См. пункт 111 настоящего постановления.

⁵ Большинство судей также отметили деятельность Совета Европы в направлении достижения гендерного равенства, которая выигрывает от гендерного-чувствительного подхода, учитывающего контекст жизни в обществе. Эти усилия получили дальнейшее отражение в Конвенции Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием («Стамбульская конвенция»), в которой отмечен повышенный риск женщин и девочек подвергнуться гендерному насилию и в Статье 6 рекомендовано проводить гендерно-чувствительную политику при выполнении Стамбульской конвенции. Вполне естественно, что такое гендерно-чувствительное толкование в равной степени используется и в контексте Европейской конвенции о правах человека («Конвенция»), которая, как в настоящем случае, рассматривает домашнее насилие как потенциальное нарушение Статьи 3. Понятие особо уязвимых категорий лиц в контексте домашнего насилия ранее упоминалось в деле *Hajduova v. Slovakia*, по. 2660/03, 30 November 2010, в котором Европейский суд по правам человека («Суд») установил, что государство-ответчик недостаточно исполнило свое позитивное обязательство по защите заявительницы.

⁶ См. пункты 62, 64, 84, 117 и 128 настоящего постановления.

⁷ См. пункт 110 настоящего постановления. Это было подчеркнуто и в моем особом мнении в деле *Valiulienė v. Lithuania*, цит. выше, в котором я ссылаюсь на широкий и прочный консенсус, касающийся позитивного обязательства государств в случае актов насилия в отношении женщин (см. *Valiulienė v. Lithuania*, цит. выше, стр. 28).

сексуального, психологического или экономического насилия»⁸, оно может быть основанием для признания нарушения запрета на пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение в соответствии со Статьей 3⁹. Принятие того факта, что домашнее насилие и бездействие государства в деле его устранения и пресечения подпадают под запретительную категорию международного обычного права, подразумевает, что внутреннее законодательство и административная практика государств должны формироваться в соответствии с таким международным обычным правом.

3. Признание важности документов мягкого права

4. В-третьих, я хотел бы подчеркнуть, что большинство в должной степени признало важность норм мягкого права. Хотя при установлении нарушения Конвенции Суд не намерен полагаться исключительно на такие нормы, тем не менее Суд готов принять во внимание акты мягкого права, которые достаточно ясно указывают на формирование консенсуса между государствами по определенному вопросу. Основной принцип интерпретации Конвенции требует, чтобы ее положения толковались в свете современных условий, а значит, в случае достижения нового консенсуса он повлияет на дальнейшие выводы Суда. Формирующийся все более широкий консенсус нередко находит свое отражение в развитии норм мягкого права¹⁰. Отраднo, что помимо Стамбульской конвенции, которая как таковая не носит обязательного характера для России¹¹, большинство в деле *Volodina* ссылалось на такие влиятельные источники, как документы Комитета КЛДЖ, Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или

⁸ См. Стамбульская конвенция, Статья 3 (b).

⁹ См. пункт 74 настоящего постановления.

¹⁰ В прецедентном деле *Demir and Baykara v. Turkey* [GC], no. 34503/97, §§ 146-154, 12 August 2008, Суд сослался на несколько актов мягкого права, в которых подчеркивалась важность права на заключение коллективных договоров. Ранее в исторически важном деле *Marckx v. Belgium* (Plenary), no. 6833/74, §§ 41 и 58, 13 June 1979, Суд уже полагался на растущий консенсус («ясный показатель общего мнения в этой сфере среди современных обществ») в отношении необходимости относиться к детям, рожденным вне брака, на равной основе с рожденными в браке, и в целом необходимости социальной защиты незамужних матерей и их детей – этот вывод был основан на международных документах, не имевших обязательной силы для государства-ответчика.

¹¹ Хотя Стамбульская конвенция не имеет обязательной силы для России, Суд не отказывается ее цитировать (см. пункт 60 настоящего постановления). О растущем консенсусе свидетельствует число государств-членов Совета Европы, ратифицировавших Стамбульскую конвенцию – на сегодняшний день это 34 государства. Европейский Союз также заявил о приверженности делу борьбы с гендерным насилием, указав это направление среди приоритетов своей Стратегической программы продвижения гендерного равенства на 2016–2019 годы.

унижающих достоинство видах обращения и наказания и Специального докладчика ООН по вопросу о насилии в отношении женщин, чтобы интерпретировать положения Конвенции в свете соответствующих международных норм мягкого права в области прав человека, а также для более полного раскрытия того, в какой степени женщинам в России угрожают акты домашнего насилия¹².

4. Статистика говорит все громче

5. И наконец, большинство обратило серьезное внимание на важность контекста¹³. При рассмотрении Судом этого аспекта ценную роль сыграли статистические данные, которые помогли обозначить структурную проблему, лежащую в основе домашнего насилия в России. Следовательно, от государства ожидается более строгое соблюдение принципа должного усердия, поскольку анализ контекста неминуемо предсказывает вероятность домашнего насилия в российском обществе¹⁴. Несмотря на отсутствие общероссийских статистических данных о домашнем насилии, большинство судей рассмотрело статистику «преступлений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений»¹⁵, основанную на официальных данных полиции, а также выводы Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, где подчеркивалось, что очень часто об эпизодах домашнего насилия не сообщается, они не далеко не всегда регистрируются и в значительной степени игнорируются¹⁶. Само по себе отсутствие отдельной национальной статистики домашнего насилия говорит о недостатке осведомленности об этой актуальной проблеме. Этим же обусловлена озабоченность Докладчиков ООН по поводу отсутствия полных данных и слишком малого числа зарегистрированных дел: женщины в целом сталкиваются с вопиющей ситуацией, когда их страдания отказываются признавать. С учетом этого статистические данные могут быть полезны с двух точек зрения: во-первых, имеющаяся статистика задает контекст, помогая тем самым применить гендерно-чувствительный подход к проблеме, а во-вторых, отсутствие отдельной статистики дополнительно свидетельствует о

¹²См. пункт 88 настоящего постановления.

¹³ См. пункты 112, 113, и 117-124 настоящего постановления.

¹⁴ См. более подробные рассуждения о критериях соблюдения принципа должного усердия в моем особом мнении по делу *Valiulienė v. Lithuania*, где я ссылаюсь на дело *Hajduova*, в котором упоминается требование повышенной бдительности в отношении особо уязвимых жертв домашнего насилия. См. *Valiulienė v. Lithuania*, цит. выше, стр. 30.

¹⁵См. пункт 119 настоящего постановления.

¹⁶См. пункт 122 настоящего постановления.

недостаточной озабоченности государства проблемой домашнего насилия.

В. Слабые стороны решения большинства

1. Домашнее насилие как пытка

6. Помимо перечисленных выше положительных аспектов, важно выделить три области, в которых мое мнение расходится с мнением большинства. Не подлежит сомнению, что психологическая и физическая боль, которую испытала заявительница, подпадает под категорию обращения, запрещенного Статьей 3. Однако Статья 3 проводит различия в зависимости от пороговых уровней тяжести жестокого обращения, а также от намерений и целей, стоящих за действиями виновного в жестоком обращении лица и потворствующего ему государства – или за бездействием последнего. В деле *Ireland v. United Kingdom* Суд указал на отличие пытки от бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, установив, что пытка представляет собой «преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее очень серьезные и жестокие страдания»¹⁷.

7. На мой взгляд, те испытания, которые перенесла заявительница, согласно описанию событий в настоящем постановлении, соответствуют всем критериям для их квалификации как пытки. Большинство ссылается на чувства страха, тревоги и беспомощности заявительницы и на то, что она подверглась нежелательному контролю и принуждению, как на основания для применения Статьи 3¹⁸. Такое резюме – лишь слабое отражение того, что на самом деле пережила заявительница. Она перенесла многочисленные и непрекращающиеся акты экстремального домашнего насилия, в том числе удар в живот, который фактически привел к тому, что медики рекомендовали ей искусственно прервать беременность и аборттировать нерожденного ребенка. Кроме того, она подверглась психологическим издевательствам в виде публикации ее интимных фотографий, размещения в ее сумке устройства, предположительно являющегося GPS-трекером, угроз убийством – которые С. пытался привести в исполнение, повредив ее машину – и похищения из города ее проживания.

8. Согласно Замечанию общего порядка № 2 Комитета ООН против пыток, систематическое бездействие государства, безразличие или попустительство в отношении причинения вреда частными субъектами вызывает обеспокоенность как потенциальное нарушение Конвенции против пыток, которая имеет статус *jus cogens* и считается

¹⁷ *Ireland v. the United Kingdom* (Plenary), no. 5310/71, § 167, 13 December 1977.

¹⁸ См. пункт 75 настоящего постановления.

основополагающей с точки зрения принципов международного обычного права¹⁹. Большинство ссылалось не только на обеспокоенность Комитета КЛДЖ по поводу насилия в отношении женщин, особенно в бытовой сфере, но и на заключительные замечания Комитета ООН против пыток по периодическому докладу РФ 2012 года, где прямо высказана озабоченность в связи с очень небольшим, по данным российских властей, количеством жалоб, несмотря на утверждения «о многочисленных случаях насилия в отношении женщин в самых разных формах», в связи с «сообщениями о том, что сотрудники правоохранительных органов неохотно регистрируют жалобы на домашнее насилие...», а также в связи с «отсутствием в государстве-участнике законодательно закрепленного определения домашнего насилия...»²⁰. Согласно Комитету против пыток, эти проблемы подпадают под действие Статей 1, 2, 11, 13 и 16 Конвенции против пыток, в первых двух статьях которой дано определение пытки и установлена обязанность государств-участников принимать эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. Смысл совершенно ясен. Когда какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, это должно квалифицироваться как пытка. Кроме того, ради последовательности стоит отметить, что при «гендерно-чувствительном толковании и применении Конвенции» признаются серьезность и последствия систематических актов домашнего насилия для женщин и других категорий уязвимых лиц. Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания также предупреждает о тенденции преуменьшения воздействия насильственных преступлений гендерного характера в отношении женщин²¹. Специальный докладчик подчеркнул, что взгляд сквозь «гендерную призму»²² должен препятствовать любым попыткам умаления страданий женщин путем квалификации насилия как «жестокости обращения», в то время как его следовало бы квалифицировать как «пытку». Крайне важно, чтобы Суд не попал в такую ловушку и не дискредитировал собственный гендерный подход, не признав пытку в ситуации, которая очевидно равносильна пытке.

¹⁹Комитет против пыток (КПП), Замечание общего порядка № 2: Имплементация статьи 2 государствами-участниками, 24 января 2008 года, CAT/C/GC/2, п.1.

²⁰ См. пункт 63 настоящего постановления со ссылкой на CAT/C/RUS/CO/5, принятые Комитетом против пыток 22 ноября 2012 года.

²¹ Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, тридцать первая сессия Совета по правам человека (A/HRC/31/57) (2016), п.9.

²² Там же, п.12.

9. В настоящем деле заявительнице угрожает месть со стороны С., который намерен наказать ее за то, что она ушла от него. Опасаясь его мстительных агрессивных действий, она покинула свой родной город и переехала жить в столицу. В настоящее время она живет под новым именем, что демонстрирует серьезность грозившей ей опасности. Она не может просто вернуться к своей прежней жизни. В свете этой массы жестоких и бесчеловечных обстоятельств просматривается очевидное несоответствие между данными о гендерном насилии в России, фактическими событиями настоящего дела – которые придают осязаемую форму цифрам статистики – и тем фактом, что Суд не расположен занять твердую позицию и дать адекватное название тому, что пережила потерпевшая. В контексте домашнего насилия различие между пыткой и бесчеловечным обращением имеет решающее значение. Если государству грозит осуждение за то, что оно допускает пытки в отношении женщин, его позитивная обязанность защищать их права будет рассматриваться с более строгих позиций. Кроме того, к государству будут предъявляться более высокие требования в части возмещения ущерба и присуждения справедливой компенсации жертве. Именно по этой причине я также не считаю возможным согласиться с суммой компенсации, присужденной заявительнице в настоящем деле.

10. Учитывая все обстоятельства дела, свидетельствующие о концентрации отягчающих факторов вредной мужественности, приведших к грубому посягательству на человеческое достоинство заявительницы и на ее физическую и психологическую неприкосновенность, а также о наличии целенаправленных действий виновника насилия, мне непонятно, что еще нужно для установления факта пыток в соответствии со Статьей 3²³. Если установлен факт пытки, нет необходимости сравнивать ее с еще худшими случаями пыток, которые, несомненно, имеют место. В настоящем деле очевидно присутствуют все элементы пытки. Любое преуменьшение страдания идет вразрез с намерением Суда подвергнуть осуждению все формы домашнего насилия и потребовать от государства упреждающих мер во исполнение его позитивного обязательства активно противодействовать сохраняющемуся гендерному неравенству.

2. Установленный в деле *Osman* критерий не подходит для случаев домашнего насилия

11. У государства есть позитивная обязанность предотвращать нарушения прав и защищать от них, но пределы этой обязанности

²³ Глубокий и наводящий на размышления анализ проблемы домашнего насилия и его связи с пыткой см. в статье Изабель Маркус “Reframing Domestic Violence as Torture or Terrorism” [«Переосмысление домашнего насилия как пытки или терроризма»], Collection of Papers No., Сборник статей №. 67, Faculty of Law, Niš, 2014.

трудно определить, пока не известны обстоятельства конкретного дела. Решение по делу *Osman v. the United Kingdom*²⁴ служит критерием при определении пределов обязанности государства защищать. Для этого рассматриваются вопросы о том, действительно ли власти в тот момент знали или должны были знать о существовании реального и непосредственного риска для жизни конкретного лица или лиц в результате преступных действий третьей стороны и действительно ли власти не приняли в пределах своих полномочий все меры, которых на разумных основаниях можно было от них ожидать. В деле *Osman* речь шла о неспособности государства защитить право на жизнь Али и Ахмета Османов, но с тех пор этот критерий стали применять к обязанностям государства и в других областях, в том числе в случаях домашнего насилия²⁵.

12. Однако установленный в деле *Osman* критерий не достигает своей цели при дословном толковании. «Реальный и непосредственный риск» в контексте домашнего насилия означает, что этот риск, то есть агрессор, уже находится в непосредственной близости от жертвы и готов нанести первый удар. Если применять данный критерий подобным образом, возникают две проблемы. Во-первых, любые предложенные государством меры защиты будут приняты с опозданием, а во-вторых, у государства будет законное оправдание не предпринимать своевременных действий, поскольку вряд ли можно ожидать, что к жертве будет приставлен агент государства, готовый в любой момент прийти ей на помощь. Поэтому критерий «непосредственности», установленный в деле *Osman*, не очень эффективен в контексте домашнего насилия. Вместо этого я предложил бы, как уже предлагал ранее в связи с делом *Valiulienė v. Lithuania*, следующий стандарт для оценки действий государства: действительно ли государство знает или должно знать, что часть его населения – например, женщины, регулярно подвергается насилию, и действительно ли государство не предотвращает причинение вреда членам этой группы людей, когда они имеют дело с существующим (но пока не непосредственным) риском²⁶. Как следствие, стандарт должного усердия, в соответствии с которым оцениваются действия или бездействие государства, относится к более широкому промежутку времени, начиная с момента, когда риск домашнего насилия уже присутствует, но еще не является непосредственным. Трудно понять, почему в пункте 77 настоящего постановления большинство разделяет подход КЛДЖ, согласно которому гендерное насилие не обязательно должно представлять «непосредственную» угрозу, но при этом продолжает применять

²⁴ См. *Osman v. the United Kingdom*, no. 23452/94, § 116, 28 October 1998.

²⁵ См., к примеру, *Opuz v. Turkey*, no. 33401/02, § 130, 9 June 2009, и *Hajduova v. Slovakia*, no. 2660/03, § 50, 30 November 2010.

²⁶ См. *Valiulienė v. Lithuania*, цит. выше, стр. 30.

критерий дела *Osman* в пунктах 56 и 98. Из-за такого непоследовательного подхода возникает риск, что жертвы домашнего насилия не получают защиты, поскольку позитивное обязательство властей принимать меры будет исполняться с большим опозданием.

3. Необходимость конкретных предписаний в соответствии со Статьей 46

13. Мое последнее критическое замечание в отношении подхода большинства касается упущенной возможности включить в постановление конкретные предписания в соответствии со Статьей 46, как это делал Суд во многих других случаях²⁷. В этой связи необходимо указать на несколько моментов. Во-первых, в национальном законодательстве домашнее насилие должно быть выделено в самостоятельный состав уголовного преступления²⁸. В 2017 году Уполномоченным по правам человека в РФ было отмечено, что до сих пор не принят специальный закон о преступлениях в семье и в быту²⁹. Специальный докладчик ООН по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях еще в 2004 году выразила аналогичную обеспокоенность по поводу отсутствия специального законодательства, запрещающего домашнее насилие³⁰. В деле *O.G. v. the Russian Federation*³¹ Комитет КЛДЖ пришел к выводу, что Россия должна восстановить уголовную ответственность за домашнее насилие, подчеркнув, что отсутствие уголовной ответственности привело к ситуации, в которой жертва была лишена возможности требовать правосудия и получить доступ к эффективным средствам и мерам защиты³². Было отмечено, что отсутствие домашнего насилия как отдельного состава в уголовном законодательстве отличает Россию от других государств-членов Совета Европы – таких как Турция, Италия и Молдова, где специальное законодательство о домашнем насилии существует, но не всегда эффективно применяется для защиты женщин³³. Если Россия выделит домашнее насилие отдельным составом

²⁷ См. мое особое мнение в деле *Moreira Ferreira v. Portugal (no. 2)* [GC], no. 19867/12, 11 July 2017.

²⁸ См. пункты 80, 81, и 131 настоящего постановления.

²⁹ См. пункт 45 настоящего постановления.

³⁰ См. пункт 61 настоящего постановления.

³¹ КЛДЖ, сообщение № 91/2015, 6 ноября 2017 года.

³² Там же, § 7.8, § 9 (b). См. Также Комитет КЛДЖ, Заключительные замечания по восьмому периодическому докладу Российской Федерации, UN Doc. CEDAW/C/RUS/CO/8, § 22, и Комитет против пыток, Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Российской Федерации, UN Doc. CAT/C/RUS/CO/5, § 14.

³³ См. пункт 128 настоящего постановления, цит. *Opuz v. Turkey*, § 200, цит. выше; *Eremia v. Republic of Moldova*, no. 3564/11, §§ 89-90, 28 May 2013; и *Talpis v. Italy*, no. 41237/14, § 147, 2 March 2017.

как самостоятельное правонарушение, это сыграет большую роль в преодолении бедственного положения женщин, которое в данный момент игнорируется уголовным законодательством³⁴. Другими словами, определение домашнего насилия как отдельного уголовного преступления, которое заключается в причинении физического, сексуального или психологического вреда или беспокойства либо угрозах их причинения или покушения на их причинение в личной или публичной сфере со стороны интимного партнера, бывшего партнера, совместно проживающего или ранее совместно проживавшего лица, не дублирует уже существующие нормы и имеет самостоятельную правовую ценность.

14. Во-вторых, установленное законом наказание за домашнее насилие должно быть равносильно наказанию за самые серьезные формы физического насилия при отягчающих обстоятельствах. Существует огромное количество информации о формах и воздействии домашнего насилия, которое приводит к ряду негативных последствий для жертв³⁵. Чрезвычайно важно признать тяжесть такого преступления, как домашнее насилие, посредством принятия строгих законов, устанавливающих адекватные наказания для совершающих это преступление. Отнесение домашнего насилия к мелким правонарушениям или административным проступкам не соответствует тяжести вреда, причиняемого женщинам в результате такого насилия.

15. В-третьих, закон должен отражать «публичный интерес» в уголовном преследовании за домашнее насилие даже в тех случаях, когда женщина не подает жалобу или впоследствии отзывает ее³⁶. Дихотомию публичного и частного в контексте домашнего насилия следует регулировать посредством разработки уголовно-правовых норм, отражающих тот факт, что домашнее насилие – не просто «частное дело», касающееся только членов семьи. То, что многие случаи домашнего насилия в России остаются неизвестными, как раз и является симптомом ложного представления, будто бы домашнее насилие – частное дело³⁷. Комитет КЛДЖ давно подчеркнул, что на государства может быть возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, в случае если государства не проявляют должного усердия в деле предотвращения нарушений прав или же расследования актов насилия и наказания виновных, а также выплаты компенсации³⁸.

³⁴ См. также Статьи 4 и 62 Стамбульской конвенции, подтверждающие важность эффективного законодательства для предотвращения, пресечения и преследования всех форм насилия в отношении женщин.

³⁵ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Доклад о положении дел в мире в сфере профилактики насилия, 2014 г., стр. 8.

³⁶ См. пункт 99 настоящего постановления.

³⁷ См. пункты 120-121 настоящего постановления.

³⁸ Комитет КЛДЖ, Общая рекомендация № 19: Насилие в отношении женщин, 1992 год, п. 9.

Уголовное законодательство должно отражать ведущую роль органов государственной власти в предотвращении и расследовании всех случаев домашнего насилия и наказания за них³⁹.

16. В-четвертых, законом должен быть предусмотрен механизм срочных мер в контексте расследования случаев домашнего насилия и уголовного преследования виновных⁴⁰. В свете острой опасности, которая угрожает многим женщинам в такой ситуации, одних лишь медленных механизмов расследования и уголовного преследования недостаточно. Это уже подчеркивалось Экономическим и социальным советом ООН в его резолюции 1984/14 о насилии в семье⁴¹, а также в резолюции 40/36 Генеральной Ассамблеи ООН, содержащей настоятельный призыв к государствам принять срочные меры по предотвращению насилия в семье, в том числе путем оказания помощи жертвам⁴². В деле *Opuz v. Turkey* требование незамедлительности и разумной оперативности уже было обозначено как элемент эффективного расследования⁴³. В деле *P.M. v. Bulgaria* Суд подверг критике тот факт, что срочные следственные действия, такие как назначение группы экспертов по делу об изнасиловании и опрос потерпевшей, были проведены с большой задержкой и поэтому не могут считаться эффективными⁴⁴. Комитет КЛДЖ также осудил недостаточную оперативность принимаемых мер, поскольку это подвергает женщин еще большему риску домашнего насилия⁴⁵. Один из путей принятия срочных мер – выдача экстренных запретительных ордеров. Совет Европы указывает, что экстренные запретительные ордера представляют собой удобное средство защиты женщин «в ситуациях непосредственной опасности», даже если преступление еще не совершено⁴⁶. Это подводит нас к пятому требованию, которое

³⁹ См. также Статью 55 Стамбульской конвенции и Общую рекомендацию № 28 Комитета КЛДЖ, касающуюся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, 16 декабря 2010 года, п. 34.

⁴⁰ См. пункты 91 и 96 настоящего постановления.

⁴¹ Резолюция Экономического и социального совета ООН 1984/14 о насилии в семье.

⁴² См. Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН о насилии в семье, 29 ноября 1985 года.

⁴³ *Opuz v. Turkey*, цит. выше, §150.

⁴⁴ *P.M. v. Bulgaria*, по. 49669/07, §§ 65-6, 24 January 2012.

⁴⁵ КЛДЖ, *AT v. Hungary*, сообщение № 2/2003, рекомендации II (c) и II (f) (2005 год).

⁴⁶ См. Статью 52 Стамбульской конвенции, а также материалы Совета Европы *Emergency Barring Orders in Situations of Domestic Violence: Статья Article 52 of the Istanbul Convention – A collection of papers on the Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence*, [Срочные запретительные ордера в ситуации домашнего насилия: Статья 52 Стамбульской конвенции, сборник статей о Конвенции Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием], стр. 28 (2017).

следует предусмотреть в российском уголовном законодательстве, а именно к возможности превентивного лишения свободы.

17. В-пятых, закон должен предусматривать санкции, допускающие в случае необходимости превентивное задержание лица, виновного в домашнем насилии⁴⁷. Это особенно важно, если учесть вывод большинства о том, что действующая законодательная база не в полной мере защищает женщин от многочисленных форм насилия и дискриминации, таких как домогательства, преследование (сталкинг), принуждение, психологическое и экономическое насилие⁴⁸. Следовательно, в законодательстве следует предусмотреть обстоятельства, при которых национальным судом может быть рассмотрен вопрос о превентивном задержании; к таким обстоятельствам следует отнести (не ограничиваясь ими) риск эскалации физического насилия или других видов жестокого обращения, рассуждения об убийстве, угрозы убийством или покушения на убийство, преследование (сталкинг), одержимость (обсессия), попытки жертвы разорвать отношения и т. д.

18. И наконец, закон должен обеспечивать необходимые условия для профессиональной подготовки судей, прокуроров и сотрудников правоохранительных органов, с тем чтобы они могли надлежащим образом применять закон в борьбе с домашним насилием. Чтобы решить проблему бездействия судов, прокуратуры и полиции в отношении случаев домашнего насилия, необходимо изменение менталитета. Этого можно достичь с помощью тренингов по повышению чувствительности к проблеме, в ходе которых домашнее насилие рассматривается как нарушение прав человека, влекущее обязанность властей защищать граждан, расследовать преступления и наказывать виновных. Такая подготовка сотрудников органов государственной власти должна идти рука об руку с повышением осведомленности общества об изменениях национального законодательства и о том, что такие изменения означают для потенциальных преступников и жертв. Не раз говорилось и о том, что важным элементом профилактики домашнего насилия является обучение социальных работников, учителей и медиков распознаванию признаков домашнего насилия и реагированию на них⁴⁹.

⁴⁷ См. пункты 82 и 132 настоящего постановления. В случае наличия явных и убедительных доказательств того, что обвиняемый представляет опасность для жертвы, уголовно-процессуальное законодательство должно предусматривать меру пресечения в виде заключения под стражу.

⁴⁸ См. пункт 128 настоящего постановления.

⁴⁹ См. Council of Europe's Gender Equality Commission, *Analytical study on the results of the 4th round of monitoring the implementation of Recommendation Rec(2002) 5 on the protection of women against violence in Council of Europe member states* [Комиссия Совета Европы по гендерному равенству, "Аналитическое исследование 4-го раунда мониторинга выполнения Рекомендации Rec(2002) 5 о защите женщин от насилия в странах-членах Совета Европы", стр. 49 (2014)].

19. Привлечь внимание к обязанности России принять меры для устранения допущенного нарушения – критически важный заключительный шаг для создания импульса к действиям; этот шаг могут сделать члены парламента государства-ответчика, а также Комитет министров [Совета Европы], высказывая требование исполнения окончательного решения. Дело не «закрыто» после вынесения постановления Страсбургским судом. Скорее такое постановление призвано служить катализатором, способным привести к ряду перемен, в результате которых заявителнице будет компенсирован негативный опыт нарушения ее прав человека, а если нарушение, как в настоящем деле, носит системный характер, к изменению политики с целью обеспечить качественный сдвиг в соблюдении прав человека государством-ответчиком. Чтобы осуществить такие перемены, нужны серьезные усилия. Контексты, в которых процветает системное гендерное неравенство, мучительно трудно распознать и изменить. Поэтому так важно уделить внимание всем аспектам Конвенции, которые помогут запустить процесс перемен, в том числе обеспечительным мерам в соответствии со Статьей 46.

20. Подводя итог вышесказанному, в рамках исполнения настоящего постановления следует провести следующие реформы материального и процессуального законодательства:

(1) Закон должен определять домашнее насилие как отдельный состав уголовного преступления.

(2) Установленное законом уголовное наказание за домашнее насилие должно быть равносильно наказанию за самые серьезные формы физического насилия приотягчающих обстоятельствах.

(3) Закон должен предусматривать преследование домашнего насилия в порядке публичного обвинения и отражать «публичный интерес» в таком преследовании даже в тех случаях, когда женщина не подает жалобу или впоследствии отзывает ее.

(4) Закон должен устанавливать требование расследовать случаи домашнего насилия в срочном порядке и предусматривать механизм экстренных мер в контексте расследования случаев домашнего насилия и уголовного преследования виновных.

(5) Закон должен предусматривать возможность превентивного заключения под стражу лица, виновного в домашнем насилии, в случае такой необходимости.

(6) Закон должен содержать указание на необходимость профессиональной подготовки сотрудников судов, прокуратуры и полиции с тем чтобы обеспечить эффективное применение вышеописанных новых законодательных мер и признание гендерного равенства.

Выводы

21. С изложенными выше оговорками я согласен с мнением большинства. Я приветствую тот факт, что предприняты важнейшие шаги к признанию домашнего насилия как отдельного нарушения прав человека, дающего основания для применения Статьи 3 Конвенции. Особое удовлетворение у меня вызывает то, что подчеркнута важность гендерного подхода к толкованию и применению этой статьи. Теперь настало время последовательно применять гендерно-чувствительный подход, направленный на искоренение гендерного неравенства, а вместе с ним – унижающего человеческое достоинство домашнего насилия.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕДОВА

Я согласен с особым мнением судьи Пинто де Альбукерке в части его анализа обязательств государства, вытекающих из Статьи 3 Конвенции. Однако я проголосовал с большинством по вопросу справедливой компенсации.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ СЕРГИДЕСА

1. Я полностью согласен с особым мнением судьи Пинто де Альбукерке. Однако я хотел бы подчеркнуть важность принципа эффективности в контексте Статьи 3 Конвенции.

А. Различие между понятиями «пытка», «бесчеловечное обращение» и «унижающее достоинство обращение» в Статье 3 Конвенции

2. Предусмотренное Статьей 3 Конвенции право не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению различает нарушения прав, которым подвергается жертва, в зависимости от их интенсивности. Это единственное положение Конвенции, устанавливающее классификацию в зависимости от степени нарушения. Из текста, а также в свете предмета и цели Статьи 3 ясно, что ее формулировка в таком виде не может быть случайной.

В. Проводимое в Статье 3 различие в свете принципа эффективности

3. По моему скромному мнению, ошибочная квалификация Судом нарушения как «бесчеловечного обращения», а не как «пытки», оказала бы негативное воздействие как на уровень защиты права Статьей 3, так и на человеческое достоинство жертвы. Такая ошибочная квалификация нарушения, не отражающая его реальной интенсивности, противоречила бы тексту, а также предмету и цели Статьи 3. В основе проводимого в Статье 3 различия между тремя видами нарушений по признаку их интенсивности лежит принцип эффективности, который в этой связи требует, чтобы для обеспечения полной и эффективной защиты установленного Статьей 3 права Суд дал правильную оценку интенсивности нарушения и соответствующей позитивной обязанности государства с учетом содержания, порога интенсивности и различия между тремя видами нарушений.

4. Подтверждение предлагаемой позиции – а именно, что принцип эффективности требует корректной оценки подпадающих под Статью 3 нарушений в соответствии с их интенсивностью – можно найти в постановлении Суда по делу *Selmouni v. France* [GC], 25803/94, § 101, ECHR 1999-V:

«Суд ранее рассматривал дела, в которых приходил к выводу, что имело место обращение, которое можно характеризовать только как пытку ... Однако принимая во внимание тот факт, что Конвенция – «живой инструмент, который должен толковаться в свете современных условий» ... Суд считает, что *некоторые деяния, которые в прошлом квалифицировались как «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение» в отличие от «пытки», в будущем могут быть*

квалифицированы иначе. Суд считает, что необходимость придерживаться все более высоких стандартов в области защиты прав человека и основных свобод соответственно и неизбежно требует еще большей твердости в оценке нарушений, касающихся фундаментальных ценностей демократического общества» (курсив мой).

Вышеприведенное утверждение актуально и важно для рассматриваемого вопроса с двух точек зрения: оно не только связывает оценку того, что считать «пыткой», с защитой прав человека, т.е. с принципом эффективности (хотя и в косвенной формулировке), но и указывает, что последний, согласно доктрине «Конвенции как живого инструмента», может в настоящее время требовать еще большей твердости в оценке «пытки». Это обусловлено, как говорит Суд, необходимостью «придерживаться все более высоких стандартов в области защиты прав человека и основных свобод». Такая формулировка, а также признание Судом в деле [*Selmouni v. France*] того, «что некоторые деяния, которые в прошлом квалифицировались как "бесчеловечное и унижающее достоинство обращение" в отличие от "пытки", в будущем могут быть квалифицированы иначе», и вывод Суда о наличии нарушения, равносильного пытке (см. п. 105 постановления по делу *Selmouni*), свидетельствуют о современном и прогрессивном толковании Статьи 3, как того требует преамбула Конвенции, провозглашая «защиту и развитие прав человека и основных свобод».

С. Вывод Суда в свете принципа эффективности

5. К сожалению, вывод Суда о том, что государство-ответчик не исполнило свое обязательство по расследованию «жесточкого обращения», которому подверглась заявительница (см. пункт 101 настоящего постановления), вместо вывода о непроведении государством расследования по факту «пытки», основан на ошибочной оценке фактов и неправильной квалификации нарушения прав заявительницы (см. особое мнение судьи Пинто де Альбукерке). Таким образом, Суд не предоставил заявительнице эффективную защиту, как этого требует Статья 3.

6. Ошибочная оценка привела к уменьшению суммы компенсации морального вреда. Как и судья Пинто де Альбукерке, я предложил бы в настоящем деле назначить более высокую сумму. Согласно принципу эффективности и установленной прецедентной практике Суда, толкование и применение положений Конвенции должно быть практическим и эффективным, а не теоретическим и иллюзорным.